

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
И ДЕВИААНТНОСТЬ**

**Юридический
ЦЕНТР**

Коллектив авторов Глобализация и девиантность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10829534

*Глобализация и девиантность: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2006
ISBN 5-94201-507-4*

Аннотация

Предлагаемая вниманию читателей работа – результат осмысления широко обсуждаемых в общественной науке проблем девиантности и социального контроля в условиях глобализации. Авторы выделяют несколько аспектов глобализации, связанных с социально-экономическими, политическими, культурологическими, демографическими и информационными процессами современного периода, отмечают их влияние на девиантные проявления в мире. Отдельно рассматривается глобализация социального контроля над девиантностью. В работе представлены различные точки зрения по ряду вопросов, касающихся факторов глобализации, ее криминогенных и девиантогенных проявлений.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию, прежде всего – студентов, аспирантов, специалистов широкого профиля.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	30
Как выглядит динамика преступности в России?	35
Глава 4	51
Организованная преступность как социальный феномен	52
Преступная организация	54
Глобализация организованной преступности	55
И еще об интернационализации преступности	57
Интернационализация российской организованной преступности	58
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глобализация и девиантность

© Коллектив авторов, 2006

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006

* * *

Глава 1

К постановке проблемы

Никто, я думаю, не будет оспаривать факт наличия глобальной социальной системы.

Н. Луман

Реальность является девиантной.

Н. Луман

Тема глобализации является одной из широко обсуждаемых в современных общественных науках со всеми вытекающими из ее «модности» позитивными и негативными последствиями¹.

Само понятие «глобализация» многозначно и дискуссионно. Под глобализацией понимают²:

- развитие экономической и политической взаимозависимости стран и регионов мира до такого уровня, на котором становится возможной и необходимой постановка вопроса о создании единого мирового правового поля и мировых органов экономического и политического управления;
- процесс сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества;
- всеобщий обмен в масштабах человечества;
- «интенсификацию всемирных социальных отношений, которые связывают удаленные друг от друга местности таким образом, что происходящее на местах формирует события, происходящими за много миль отсюда, и наоборот»³;
- «процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»⁴; и др.

Различают глобализацию экономических, политических, социальных, культурологических, демографических, информационных и прочих процессов. Наиболее кратко глобализацию можно представить как **всеобщий (глобальный) взаимообмен** (*general global interchange*). Заметим при этом, что хотя взаимообмен и взаимопроникновение экономики, культуры, этносов происходил всегда, однако всеобщий, глобальный и «молниеносный» характер этих процессов стал возможным лишь с появлением современных средств связи, транспорта (авиации), коммуникаций. Так что «глобализация» в современном понимании могла начаться не ранее второй половины XX столетия.

---

¹ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Многоликая глобализация / Ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М.: Аспект-Пресс, 2004; Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.; Чешков М. А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии целостности. М.: МОНФ, 1999; Этнос глобального мира. М., 1999; Baylis J., Smith S. (Eds.) The Globalization of World Politics. Oxford University Press, 1997; Mittelman J. H. (Ed.) Globalization: Critical Reflection. L.: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1997.

² Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 49, 114, 119.

³ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 64.

⁴ Бек У. Что такое глобализация?.. С. 26.

В рамках нашей темы представляется важным констатация и обсуждение нескольких проблем.

Во-первых, глобализация – *объективный процесс*, развивающийся независимо от наших желаний (и даже вопреки им)⁵. Деятельность транснациональных компаний; *взаимозависимость* стран (от энергоресурсов, сырья, технологий и т. п.); мировая информационная система (интернет, спутниковая связь и др.); взаимосвязь крупнейших финансовых систем; интернационализация и интенсификация современных транспортных средств и сетей; интенсивная миграция, обуславливающая взаимопроникновение этносов и культур; использование английского языка как средства международного общения; формирование «общечеловеческих ценностей»; планетарный характер экологических проблем – все это свидетельствует о вполне реальной глобализации экономического, социального, финансового, культурного пространств. Это необходимо отметить, поскольку в российских политических кругах нередко возникает идея «противостоять» глобализации, ратовать за «многполярный» мир. Но закономерные, объективные мировые социальные процессы не зависят от воли политиков или «народа». Как пишет З. Бауман, «“Глобализация” касается не того, что все мы... хотим или надеемся совершить. Она означает то, что со всеми нами происходит».⁶

Непонимание этого лишь увеличивает разрыв между государствами – лидерами цивилизационного развития и странами-аутсайдерами, к которым относится и Россия⁷. Достаточно сказать, что к 2003 г. Россия занимала 136-е место в мире по ожидаемой продолжительности жизни (и то лишь «благодаря» женщинам – продолжительность жизни 72 года, тогда как мужчины в среднем не доживают до «заслуженного отдыха», ибо их продолжительность жизни – 59 лет – одна из самых низких в мире, наряду с некоторыми африканскими странами), 64-е место по валовому национальному продукту на одного жителя (2001 г.), 203-е место (последнее!) по коэффициенту естественного прироста, одно из первых мест в мире по смертности (16,3 на тысячу жителей, 16–17 – только в Восточной и Центральной Африке, среднемировой показатель – 9)⁸. Валовой национальный продукт на одного жителя России составил в 2003 г. всего \$8920 при среднемировом показателе \$8180, в Люксембурге – \$54 430, в США – \$37 500, в Норвегии – \$37 300, в Японии – \$28 620⁹.

Во-вторых, глобализация, как все на свете, имеет свои *позитивные* и *негативные* последствия. При этом «позитивность» и «негативность» *неравномерно* распределяются по странам и регионам. Параллельно с процессом глобализации (и интеграции – например, Европейский союз) идет процесс дифференциации и поляризации. Этот факт зафиксирован неологизмом Роланда Робертсона – «*глокализация*». «Глобальность характеризует лишь один из аспектов эволюции человечества – взаимосвязанность, взаимосоотнесенность. Наряду с этим действуют и другие механизмы – членения-дифференциации или – несколько в другом ракурсе – *диверсификации*»¹⁰. Выделяются развитые страны «*золотого миллиарда*» в отличие от остальных государств, включая Россию. По Уоллерстайну, мир разделился

---

⁵ Как заметил Г. Явлинский, «Разговоры о глобализации... это вроде подготовки к зиме. Можно долго рассуждать о том, нужно это или нет, зима все равно придет» (Новая газета. 2003. № 60. С. 11).

⁶ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. С. 88.

⁷ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 354–471; Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. М.: МОНФ, ИМЭМО РАН, 1999. Сб. 1–4; Проблемы глобализации... С. 227–232, 254–265; и др.

⁸ Все страны мира (2003) // Население и общество. 2003. № 74. Август.

⁹ Доклад о мировом развитии 2005: как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005. С. 258–266.

¹⁰ Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Проблемы глобализации. 1999. С. 121.

на Центр, Полупериферию и Периферию. Россия была отнесена им к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии»¹¹.

В-третьих, происходит глобализация (интернационализация) различных форм *девиантности*¹²: проституции (*prostitutes traffic*), наркотизма (*drugs traffic*), организованной преступности, терроризма. Это вполне закономерный процесс, поскольку девиантность (ее структура, масштабы, динамика) зависит от экономических, политических, социальных, демографических и иных факторов. Глобализация девиантных проявлений и является следствием глобализации экономических, социальных, демографических (в частности, оживленная миграция населения), культуральных процессов.

Так, например, глобализация сопровождается процессом «включения/исключения» (*inclusion/exclusion*), когда некоторые люди и социальные группы оказываются *исключенными* (*excluded*) из общественной жизни – экономической, политической, культурной¹³. «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже текущего. – Я. Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение останутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения»¹⁴. Процесс *inclusion/exclusion* имеет принципиальное значение для нашей темы, поскольку «исключенные» (страны, группы, люди) служат основной социальной базой девиантности, включая преступность, алкоголизацию, наркотизацию, что осознается мировой наукой¹⁵.

Деление (раскол!) стран, социальных групп и людей на включенных/исключенных в том или ином виде, под тем или иным названием признается многими современными учеными. Так, З. Бауман, избегая термины «включенные»/«исключенные» предпочитает говорить о «туристах» (включенные)/«бродягах» (исключенные), подчеркивая, что эти группы – «два мира, два представления о мире, две стратегии»¹⁶. Иногда «исключенных» он именует «отбракованными» (*burned-out*).

Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О. Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали “отходами” трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала “транзитным пунктом” на пути в никуда»¹⁷.

Но глобализация таит угрозы и для стран «золотого миллиарда», а таким образом и для всего человечества. Эти угрозы, как это часто бывает, парадоксально исходят из основ

¹¹ Пантин В. Рецензия на: Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия // Проблемы глобализации. 1999. С. 227.

¹² Наше понимание девиантности и девиантного поведения см.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004 и др.

¹³ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. С. 140–156.

¹⁴ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 107.

¹⁵ *Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998.; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.* Подробнее см.: Гилинский Я. И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. № 6. С. 69–76.

¹⁶ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. С. 142.

¹⁷ Яницкий О. Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. № 1/2. С. 205.

экономического могущества и процветания современной Западной цивилизации. Предоставим слово У. Беку: «Глобализация делает возможным то, что, по-видимому, всегда скрытно присутствовало в капитализме, но на стадии его укрощения демократическим государством оставалось замаскированным: предприятия, особенно работающие в глобальном масштабе, играют ключевую роль не только в организации экономики, но и общества в целом – хотя бы уже “только” потому, что они в состоянии отнимать у общества его материальные ресурсы (капитал, налоги, рабочие места)... Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и *de facto* расторгают договор о лояльности с институтами национального государства. По этой причине падает *внутренний* уровень социальной интеграции соответствующих стран, и падает тем ниже, чем больше он обосновывался чисто экономическими факторами. В этот коварный водоворот попадают прежде всего благоденствующие социальные государства: им приходится выплачивать кодифицированные пособия постоянно растущему числу безработных»¹⁸.

И как возможный итог – бразилизация Европы¹⁹ (почему не всего «Западного» мира?).

Не случайно, поэтому, «термин “глобализация” вызывает весьма эмоциональное к себе отношение. Одни считают, что это предвестие международного гражданского общества, начало новой эры мира и демократизации. Для других глобализация означает экономическую и политическую гегемонию Америки, в результате чего культура во всем мире станет однородной и превратится в нечто вроде метастазов Диснейленда».²⁰ Отсюда – движение антиглобалистов, протесты против всемирной «макдонализации», стихийный выплеск «исключенных» парижских пригородов и, в конечном счете – исламский фундаментализм (хотя, конечно, все не так просто и заслуживает более углубленного анализа).

В-четвертых, ответной реакцией мирового сообщества на глобализацию девиантных проявлений является глобализация *социального контроля* над девиантностью: создание и деятельность Интерпола и Европола; разработка и принятие многочисленных международно-правовых актов, направленных на противодействие организованной преступности, наркобизнесу, «отмыванию денег», терроризму; международно-правовая регламентация условий содержания осужденных в пенитенциарных учреждениях (в том числе так называемые «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными»); распространение идеи и практики «*community policing*» – партнерских отношений между полицией и «коммунити» (общины, населения по месту жительства); практика «восстановительной» юстиции (*restorative justice*) и ювенальной юстиции, общемировая тенденция отказа от смертной казни и др. Одновременно исследователи отмечают усиление репрессивности полиции и уголовной юстиции, направленной прежде всего против «исключенных» («селективность» деятельности полиции и уголовной юстиции)²¹.

Некоторые криминогенные и девиантогенные факторы глобализации представлены В. В. Лунеевым (который также воспринимает глобализацию как объективную данность)²².

1. *Проблема занятости*. Глобалисты говорят о «концепции 20:80»: в XXI в. заняты будут всего 20 % населения, а 80 % окажутся «лишними». С нашей точки зрения,

¹⁸ Бек У. Что такое глобализация? С. 10, 19.

¹⁹ Там же. С. 276–278.

²⁰ Многоликая глобализация. С. 9.

²¹ Евроремонт ГУЛАГ'а // Индекс: Досье на цензуру. 2003. № 18; Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГ'у западного образца. М.: Идея-пресс, 1999; Уолмсли Р. Содержание под стражей: Глобальные тенденции // Форум по проблемам преступности и общества. Т. 3. 2003. № 1–2. С. 73–90; Robinson M. Justice Blind? Ideals and Realities of American Criminal Justice. Prentice Hall. Upper Saddle River, NJ., 2002.

²² Лунеев В. В. Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003. № 2. С. 21–39.

это парафраз концепции «*inclusion/exclusion*». Если 80 % населения окажутся безработными, без средств к существованию, то это – огромный резерв девиантности, включая преступность.

2. *Проблема рынков финансовых спекуляций*. Свыше 80 % финансового капитала не имеют реального материального наполнения. Это «рынок игроков в рулетку». Финансовый крах будет все чаще сотрясать страны, не входящие в «золотой миллиард» (примеры тому – российский дефолт 1998 г., финансовые проблемы стран Восточной Азии и др.).

3. *Существенное снижение возможностей национальных правительств в управлении обществом и в обеспечении социального контроля над преступностью*. Как известно, эта тенденция отмечается криминологами со второй половины минувшего столетия.

«*Мир стоит перед новым испытанием*»²³. Революционализация населения в начале XX в. породила революционное насилие, сравнимое с терроризмом. Вместо принятия политических, экономических, социальных мер, правительства ответили на революционное насилие полицейским. В результате – победа революции в России с перспективами распространения на другие страны. «Боязнь потерять все цивилизовала капитализм». Но – ничему его не научила. И «в начале текущего столетия политические, социальные и экономические противоречия в глобализирующемся мире побуждают новых революционеров-террористов, поддерживаемых нищими и обобранными народами, к тотальной террористической деятельности против богатых и ненавистных стран и правительств»²⁴. И вновь в ответ – не решение политических, социальных, экономических проблем, а «антитеррористические» операции и *насилие* в Югославии, Ираке и др. (В. В. Лунев, очевидно, постеснялся назвать Чечню).

Кроме того – глобальные демографические диспропорции и массовая миграция. «Безысходность для населения отсталых стран (включая Россию. – Я. Г.) – серьезная социальная база радикализма и терроризма»²⁵. А также всех проявлений девиантности.

Изложенные выше соображения принадлежат руководителю проекта и редактору настоящей монографии – Я. Гилинскому. Однако среди авторского коллектива есть и иная точка зрения по вопросу глобализации, представленная В. Гольбертом. Предложим читателям и ее.

---

²³ Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. М., 2002.

²⁴ Лунев В. В. Терроризм и организованная преступность... С. 34.

²⁵ Там же.

Глава 2

Химера глобализации: а был ли мальчик?

Вряд ли можно отрицать факт протекания процессов, элементарно соотносимых с понятием глобализации. Мы имеем счастье или несчастье быть свидетелями усиления взаимозависимости различных регионов и культур, возникновения наднациональных идентичностей, интенсификации межнациональной и межкультурной коммуникации, формирования глобального рынка и т. д. и т. п. Вместе с тем использование понятия глобализации в научных и внеученых кругах носит инфляционный характер. С его помощью пытаются объяснить и понять гораздо больше, нежели это возможно. С одной стороны, всеобщая мода на глобализацию имеет следствием то, что понятие имеет вид уже весьма разбитый и изношенный... С другой стороны, как раз расплывчатый характер понятия является причиной его популярности – понятийный контейнер, который каждый может на свое усмотрение наполнить удобным для себя содержанием. Прекрасная возможность для практически неограниченной каузальной, функциональной и прочей атрибуции самых разнообразных предметных областей контексту глобализации и для формулирования бесконечных тем исследований, симпозиумов, публикаций: семья в контексте глобализации, глобализация рынка, культурные аспекты глобализации и т. п., и т. д. К тому же концепция глобализации выгодно отличается своей простотой (говоря прямо, тривиальностью) от альтернативных теоретических предложений современности – постмодернизма, теории рефлексивного модерна, дифференциации функциональных систем.

1. *Глобализация как общее понятие.* Ссылка на концепт глобализации как объяснительную модель тех или иных конкретных процессов, феноменов, отношений равнозначна намерению объяснить их столь же универсальной, пустой и эвристически бесплодной конструкцией как «человеческая натура» или, скажем, «всемирно-исторический прогресс». Если кто-либо претендует на «исследование глобализации», не уточняя при этом, что он под ней понимает, это следует воспринимать как претензию на исследование «обо всем и ни о чем». Проблема не в многозначности понятия: это дело обычное в области социальных наук, где большинство понятий не поддается однозначному определению. Резонным решением проблем, вытекающих из хронической многозначности и не(до)определенности понятий, представляется предложенная Весли Скоганом идея общего понятия²⁶. Такое понятие подлежит определению в каждом конкретном случае, и определение это сохраняет значимость только в пределах данного случая. Универсального, оптимального, «более или менее точного, правильного» определения таких понятий нет и быть не может.

Если уж очень хочется воспользоваться понятием глобализации, следует в каждом отдельном случае либо самостоятельно определить это понятие, либо обосновать использование заимствованного определения. От амбициозных же попыток предложить универсальное и окончательное понятие глобализации лучше воздержаться²⁷. Научная коммуникация о глобализации возможна лишь до тех пор, пока остаётся открытым для обсуждения вопрос об её понятии. Окончательное и обязательное решение данного вопроса было бы подобно директивному определению понятий социализма, коммунизма и т. д. на очередных съездах КПСС и означало бы атрофию научного дискурса по данному предмету (или переход его в сферу «теневого науки»).

---

²⁶ Skogan, W. The Various Meanings of Fear of Crime // Bilsky W., Pfeiffer Ch. & Wetzels P. (Hrsg.) Fear of Crime and Crime Victimization. Stuttgart, 1993. P. 131.

²⁷ Один из примеров подобных попыток представляет собой труд Ульриха Бека по данному предмету: Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

2. *Глобализация как процесс и результат качественных изменений?* Разговоры об эпохе либо эре глобализации, равно как и информационного общества, общества сетевых структур и т. п. подразумевают некие качественные изменения, объективный факт которых отражается данными понятиями. Сомнения вызывает при этом, во-первых, качественный, во-вторых, объективный характер изменений, обычно соотносимых с понятием глобализации. О втором аспекте речь пойдёт ниже, сейчас же предстоит рассмотреть вопрос о «качественности» изменений. Таковая предполагает возможность хотя бы приблизительного хронологического отграничения от этапов, которые теперь, в результате качественных изменений, можно считать истёкшими. Оставив в стороне спорные определения глобализации как утраты дееспособности национальными политическими субъектами, обратимся к вещам столь же самоочевидным, как и то, что земля плоская или «наркотики» опаснее табака и алкоголя. Бесспорными и очевидными являются процессы интеграции отдельных национальных сообществ, культур и регионов в единое мировое целое, рост их взаимозависимости, рефлексивное осознание целостности социальных процессов в глобальном масштабе и т. п. И каким же образом мы хотим определить хронологические рамки данного процесса (учитывая, что формирование национальных сообществ, т. е. разграничение, является первейшей предпосылкой, логической и органической компонентой интеграции)? Выражаясь проще, когда началась глобализация – в эпоху Великих географических открытий? Во время описанных в «Коммунистическом манифесте» процессов интернационализации? Или, может быть, во время крестовых походов и грандиозных завоевательных волн кочевых народов Азии? На фоне этих событий интенсивное формирование глобального формата коммуникативных процессов на современном этапе выглядит в лучшем случае как один из не самых значительных шагов в данном направлении. И причём лишь в той мере, в которой мы верим в линейный характер некоего всемирно-исторического развития. В таком случае есть все основания утверждать, что глобализация протекает на протяжении всего периода существования человеческого сообщества, а в системе понятий ряда научных парадигм – и за пределами данного отрезка времени.

Представления о достижении некоего нового качественного уровня в протекании данного процесса не поддаются достаточному обоснованию даже на уровне эмпирических обобщений. Если же подняться на уровень рассуждений о понятии общества (чего социологи практически никогда не делают, считая это метафизикой и социальной философией), эти представления и вовсе теряют почву под собой. Проведём параллель между понятиями «общество» и «земная суша» либо «мировой океан». В любом случае эти понятия не сводятся к механической сумме физических частиц или частей, составляющих их эмпирические референты. В случае общества, частями и частицами будут политические, этнические, антропологические, психические и иные части, к механической сумме которых не сводится и никогда не сводилась социальная реальность. В таком случае, в любой момент существования общества (суши, океана) были все основания говорить о них как о глобальном целом, несмотря на отсутствие эмпирически наблюдаемых соприкосновений или зависимостей между отдельными их частями и компонентами, разделёнными в пространстве и времени²⁸.

3. *Глобализация – социальный феномен?* Сами по себе изменения визового режима, интенсификация миграционных процессов, развитие телекоммуникаций и т. д. являются фактами правового, технического, экономического и прочего частного или субсистемного, но ни в коем случае не социального характера. Таковыми они становятся лишь в процессе коммуникации, в котором происходит их «смысловое оплодотворение». Говорить о соци-

---

²⁸ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1999. S. 145 и сл.

альном факте глобализации можно лишь постольку, поскольку речь идёт о дискурсивных процессах, в которых конституируется понятие глобализации и происходит определенное структурирование социальной реальности на основе категорий этого понятия. Глобализация при этом понимается не только и не столько как предмет коммуникации, сколько как её процесс и продукт. Эвристическая позиция исследования в таком случае определяется как позиция «наблюдения второго порядка» или «наблюдения над наблюдением»²⁹ – наблюдения над тем, как общество наблюдает процесс собственной структуризации-дифференциации, развития и интеграции собственных подсистем, создавая и воспроизводя свою социальную ткань в ходе этого наблюдения.

Исходя из вышесказанного, представляется нецелесообразным воспроизводство в научной дискуссии «самоочевидных» концептуальных моделей, сформировавшихся в рамках «наблюдения первого порядка». Социальная наука вряд ли способна чем-либо обогатить социальную практику и занять суверенную позицию в отношении ее, если она нерелевантно употребляет элементы практического дискурса в качестве эмпирически определенных понятий и собственных аналитических категорий. Идет ли речь о глобализации, урбанизации, (де)индустриализации, преступности и т. д., вряд ли оправдан перенос этих терминов в социальную науку в том значении, в котором они употребляются в политической, идеологической и экономической и т. п. сферах. Сомнительным представляется употребление их как понятий, охватывающих однозначно определённый и инвариантный круг явлений и взаимосвязей, независимых от их восприятия и осмысления действующими субъектами. Ответ на вопрос «что есть глобализация» и понимание социальной реальности глобализации можно получить не в результате поиска неких объективных индикаторов общего и единого вектора развития цивилизации, а скорее в итоге внимательного наблюдения над тем, кто, как и почему ведет речь о глобализации.

4. *Объективность глобализации.* Одним из наиболее интенсивно транслируемых в научную дискуссию клише вненаучного дискурса является видение глобализации как некоего объективного процесса. Такое видение представляется несостоятельным по ряду логических и эмпирических позиций. Более того, оно деформирует научный дискурс и адекватное выполнение наукой своих социальных функций.

Во-первых, данная модель представляется слишком «самоочевидной» и тривиальной, чтобы лечь в основу научного анализа. Науке вряд ли имеет смысл заниматься изучением и обоснованием вещей, доступных для наблюдения и в силу этого известных и без применения научного инструментария. Доказывать, что процесс глобальной интеграции объективен и необратим, представляется столь же целесообразным, как и использование микроскопа в сочетании со сложнейшими техниками спектрального анализа для решения спора о том, является ли трава зеленой. Интересные прозрения имеют место скорее тогда, когда наука ставит под сомнение самоочевидные истины – вроде того, что мужчины умнее женщин, солнце вращается вокруг земли, суровость наказания обладает сдерживающим эффектом на развитие преступности, виктимный опыт коррелирует со страхом перед преступностью и т. д.

Во-вторых, тезис объективности отвечает социальному заказу субъектов, оказывающихся в выигрышном положении в результате текущего развития. Субъекты эти заинтересованы в том, чтобы представить развитие безальтернативным и не поддающимся существенным коррективам. Теневые же стороны или «цена» глобализации должны быть представлены как разумная и в любом случае подлежащая оплате под давлением «инкассо» императивов мирового развития³⁰. В своё время тезис объективности подобным образом

---

²⁹ Ibid.

³⁰ Речь идёт об относительном обнищании значительных масс населения, виртуализации экономики, утрате властных

применялся в отношении процесса продвижения к светлому коммунистическому будущему. Теневой же стороной и разумной ценой оно было якобы обострение классовой борьбы и массовые репрессии в отношении тех, кто в силу различных обстоятельств не желал продвигаться в этом направлении с достаточной скоростью.

В этом свете открываются альтернативное видение соотношения «объективного содержания» и коллатеральных последствий текущих процессов. Может быть, развитие в определенных сферах географического и социального пространства за счёт энтропии в иных сферах и устранение препятствий самоприращению капитала путем безудержной эксплуатации социальных и природных ресурсов следует понимать как «объективное содержание»? Интенсификацию же межнациональной коммуникации и развитие космополитического сознания всего лишь как нечаянные побочные эффекты? Причём эффекты эти в той мере, в которой они противоречат основной тенденции развития, всемерно блокируются национальными правительствами. Последние стремительно утрачивают потенциал регулирования социальных отношений параллельно с наращиванием потенциала репрессивно-карательного контроля. Данный потенциал реализуется, прежде всего, в возведении новых барьеров на пути межкультурной интеграции под предлогом борьбы с терроризмом, обеспечения национальной безопасности, предотвращения нелегальной миграции и т. д.

Объективность данных процессов можно усматривать в их недоступности целенаправленному регулированию и контролю со стороны как национальных, так и международных политических субъектов. Действительно, в руках частных лиц и транснациональных корпораций, не избираемых и не подотчётных избираемым органам, сосредоточены невиданные экономические и политические ресурсы, значительно превышающие те, что находятся в распоряжении многих национальных правительств³¹. Следует, однако, отметить, что данная ситуация явилась результатом осуществления вполне целенаправленной политики. *Объективное же бессилие* политических субъектов перед лицом мнимых и реальных экономических императивов является результатом их же *субъективных усилий* по устранению всех и вся препятствий на пути самореализации логики капиталистического развития. После чего можно резонно сокрушаться о невозможности внести какие-либо коррективы в текущее развитие в данных условиях и под давлением данных обстоятельств. На что, впрочем, можно столь же резонно предложить внести коррективы в данные условия и обстоятельства³². Для этого надо только отказаться от видения их как объективных. Тогда они предстанут перед нашим взором как искусственно созданные или сконструированные, в силу чего они с тем же успехом могут быть разрушены, реконструированы и деконструированы – идёт ли речь при этом о национальных, гендерных и прочих идентичностях или унаследованном из римского права институте частной собственности.

В-третьих, эвристически ценными представляются концепции, стимулирующие научную дискуссию, протекающую как перманентный пересмотр философских оснований

позиций демократически легитимированными политическими субъектами, разрушении систем социальной помощи, социальном исключении, обострении классовых и цивилизационных конфликтов и т. д.

³¹ Из этого, впрочем, вытекает новая редакция марксистского требования о внесении существенных корректив в отношении собственности. Речь идёт при этом не о том, чтобы всё поделить по-новому, а о пересмотре самого понятия собственности – не об изменении круга собственников, а об изменении того, что означают отношения собственности в духе расширительного толкования одного из параграфов Конституции ФРГ: **собственность обязывает** (ср.: Zizek S. Die Tücke des Subjekts. Frankfurt/M: Suhrkamp, 2001. S.484). Впрочем, отношения частной собственности и без всяких поправок извне претерпевают существенную трансформацию, если не кризис, под давлением императивов нового капитализма. Эти императивы исключают долговременные отношения со всем, что именно обязывает и привязывает, будь то семья, недвижимость или производственные активы (см.: Zizek S. Die Revolution steht bevor. Dreizehn Versuche über Lenin. Suhrkamp: Frankfurt/M, 2002. S. 101, 115).

³² Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J. & Roberts B. Policing the Crisis. Mugging, the State, and Law and Order. London: Macmillan Publishers, 1978. P. IX–X; Bauman Z. Die Krise der Politik. Fluch und Chance einer neuen Öffentlichkeit. Hamburg: Hamburger Edition HIS, 2000. P. 8 и сл.

самой науки³³. Такие концепции должны обладать структурирующим потенциалом, позволяющим определить собственную позицию в дискурсивном пространстве и соотнести её с иными позициями, традициями или парадигмами. Концепция глобализации малоприспособна для выполнения такой структурирующей функции – она показала себя лишь способной разделить научное сообщество на апологетов и критиков глобализации. Первые вольно или невольно оказываются по одну сторону баррикады с разного рода элитами, последние проходят различные степени стигматизации и формирования идентичности в качестве луддитов и хулиганов, отрицающих объективные закономерности развития человечества, да и всего космоса в целом. Данный принцип структурирования гораздо больше подходит для политического или идеологического дискурса, нежели для научного – он несовместим с высоким качеством процесса научной коммуникации и её результатов.

5. *О тривиальности понятия.* За примерами тривиализации науки в процессе впадения её в русло дискуссии о глобализации далеко ходить не надо. Достаточно сопоставить две работы одного из весьма модных ныне социологов – Ульриха Бека. Первая из них увидела свет в 1986 г., за несколько месяцев до Чернобыльской катастрофы. Завистники и недоброжелатели усматривают в этом совпадении, наряду с простотой и доходчивостью стиля, один из основных факторов головокружительной карьеры концепции общества риска в научных и, главным образом, вненаучных кругах. Впрочем, концепция успела уже стать объектом и достаточно суровой, но справедливой критики³⁴. Предметом критики послужило обилие внутренних противоречий и возведение одного из частных аспектов текущего развития в ранг магистрального направления эволюции мирового сообщества. Переход от отношений распределения собственности к отношениям распределения рисков в качестве основного источника и механизма структурирования общества провозглашается всеобщей и (почти) всё объясняющей тенденцией социального развития на современном этапе. Автор, явно влюбленный в свою концепцию, выводит из данной метаморфозы изменения, наблюдаемые в сферах социального структурирования, политики, брачно-семейных, трудовых отношений и т. д.³⁵ Очень сходная ситуация имеет место с другой популярной концепцией: за мнимым или действительным смещением центра тяжести от производства и распределения вещей к производству и распределению информации теоретикам общества знаний мерещится революция социальных отношений, коренным образом меняющая их **облик и природу**. Приводимые ими примеры³⁶ вполне убеждают в том, что изменение **облика** действительно имеет место. С изменением же **природы** дело обстоит далеко не столь очевидным образом. Вне поля зрения концепций общества знаний или общества риска остаётся как раз вопрос о сохранении, воспроизводстве и трансформации глубинных, недоступных для поверхностного наблюдения, собственно социальных структур, процессов и отношений власти, собственности, эксплуатации, исключения, отчуждения и т. п. Изменение технического, пространственного, физического и т. д. формата этих отношений, идёт ли речь о производстве, распределении и обмене вещами, рисками и информацией на локальном, региональном и глобальном уровне, ещё не даёт оснований судить об изменении их социального **содержания**. Энтони Гидденс, Ульрих Бек и Мануэль Кастельс полагают, что социальная структура

³³ Alexander J. Neofunctionalism and After. Blackwell, 1998. P. 29 и сл.

³⁴ Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt/M, 1986; критика – Joas H. Kriege und Werte. Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Velbrück Wissenschaft: Weilerswist, 2000, S. 250–261; Storck V. Die «Zweite Moderne» – ein Markenartikel? Zur Ambiguität und Negativität der Gesellschaftsutopie von Ulrich Beck. Konstanz: UVK-Verl.-Gesellschaft, 2001; Zizek S. Die Tücke des Subjekts. Frankfurt/M: Suhrkamp, 2001. S. 461–480

³⁵ Beck U. Jenseits von Klasse und Stand // Beck U. & Beck-Gernsheim, E. (Hrsg.): Riskante Freiheiten. Individualisierung in modernen Gesellschaften. Frankfurt/M, 1994. S. 43–60; Beck U. & Beck-Gernsheim E. Das ganz normale Chaos der Liebe. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1990; Beck U. Schöne neue Arbeitswelt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1999.

³⁶ См., например: Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе / Ред. В. Иноземцев. М.: Academia, 1999. С. 101–128.

и социально-структурные детерминанты политического поведения коренным образом изменились под действием процессов глобализации. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что эти представления являются не более чем результатом скандальной неинформированности их носителей о действительном положении дел с социальной структурой и её ролью в детерминации политического поведения на современном этапе. Если уж теоретики глобализации оказались не очень добросовестными и в некоторой степени невежественными в вопросе о социально-структурном её аспекте, это бросает тень сомнения на все остальные аспекты и компоненты их концепций³⁷.

Некоторая однобокость и поверхностность концепции общества риска претерпевают гипертрофию в работе Бека о глобализации. Книга построена как набор продолжительных и плохо согласованных между собой цитат из сборника работ по глобализации, вышедшего до этого под его же редакцией. Цитаты перемежаются краткими, но глубокомысленными рассуждениями сугубо номиналистически-дефиниционного характера о понятиях глобализма и глобализации. Кроме этого, автор заверяет нас в том, что глобализация – это вовсе не так уж и плохо, не повод для пессимистически-суицидальных настроений и поспешных действий по их реализации. Апофеозом же является конкретный пример того, что Бек понимает под глобализацией. Речь идёт о баварской пенсионерке, проводящей половину своего заслуженного отдыха в Кении. По мнению Бека, она является уже не жительницей Баварии или Кении, а гражданкой мира и носительницей глобальной идентичности³⁸. У российского комментатора книги возникает вполне резонный вопрос: а как же обстоит дело с кенийскими пенсионерами³⁹? Они также проводят половину своего времени, катаясь на лыжах на горных курортах Баварии? Стоит вспомнить в этой связи и о российских князьях, графьях, да и представителях большевистской элиты, весьма склонных к осуществлению своей деловой и рекреационной активности в некоторых европейских государствах. И возникает навязчивое подозрение, что процесс глобализации начался уже давно и застрельщиками его, а также предтечами мирового гражданства и космополитической идентичности явились упомянутые категории наших предков. Или, возможно, испанские конкистадоры и прочие представители относительно цивилизованных наций, пришедшие к народам Африки, Америки и Азии с мечом и Библией в руках? Или же крестоносцы, а также арабы, турки-османы, монголы и гунны, образцы цивилизационно-глобализационной активности так хорошо усвоили и воспроизвели на практике вышеупомянутые конкистадоры? Воспроизвели более систематично и основательно, как и полагается более просвещённым нациям, достигшим более высокой ступени цивилизационного развития.

Ещё один певец глобализации по-детски радуется возможности покупать разные экзотические блюда и предметы, не выходя за пределы своего квартала в Лондоне⁴⁰. За пределы квартала он, впрочем, охотно выходит, озабоченно мотаясь по тем самым странам, откуда происходят приобретаемые ими блюда, и просвещая тамошние элиты о сути и векторе протекания процессов глобализации. Имеет место, однако, подозрение, что подавляющее большинство обитателей этих экзотических стран не могут ответить взаимностью, приобретая аутентично английские блюда и систематически появляясь на берегах Темзы для консультирования британской элиты по вопросам правильной организации глобализационных процессов. Внешний формат отношений меняется с национального на глобальный, их же глубинные социальные асимметрии и нересипрокности остаются теми же. Глобали-

---

³⁷ Goldthorpe J. H. Globalisierung und soziale Klassen // Berliner Journal für Soziologie. 2003. N 3, S. 301–324.

³⁸ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма и ответы на глобализацию. С. 131.

³⁹ Филиппов П. Печальная глобализация: локальное без границ, глобальное без места. Послесловие к переводу У. Бека... М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 287

⁴⁰ Albrow M. Willkommen im Globalen Zeitalter // Pongs A. In welcher Gesellschaft leben wir eigentlich? Gesellschaftskonzepte im Vergleich. München: Dilemma-Verlag, 1999. S. 27–46.

зация странным образом оставляет их без изменения, если не считать таковым некоторое усугубление. В случае же Мартина Олброу явно имеет место подмена социального анализа облачением собственных непосредственных впечатлений и переживаний в наукообразную терминологию.

И совсем уж неприличной представляется профанация научного знания, перевод его из эпистемологического в докисический формат некоторыми представителями предельно вульгарного гегельянства и линейного эволюционизма. «Линейный» означает при этом за-, сверх- и беспредельную степень вульгаризации. В качестве примеров можно взять тезис о конце истории Фрэнсиса Фукуямы и комментирующий текст Владислава Иноземцева, провозглашающий наступление постэкономической эры⁴¹. Названные авторы столь же воодушевлёны крушением восточного, он же социалистический, блока, сколь в своё время родитель второго из них был воодушевлён его существованием и поступательным развитием. В этом экстатическом воодушевлении и с усердием, достойным лучшего применения, они продолжают обнаруживать «концы» классового общества и идеологии, исполнять реквиемы марксизму и коммунизму, вдохновляясь в этом примером Дэниела Белла и Ральфа Дарендорфа. Крушение восточного блока в этом свете предстаёт как кардинальный сдвиг в протекании глобализационных процессов. Пусть победа над ним и обозначается злыми языками как пиррова всего лишь пару десятилетий спустя⁴², после того как удалось основательно вкусить плоды этой победы на Балканах, в Африке и других регионах мира. Однако же она обеспечила утверждение в глобальном формате отношений рыночной экономики и конкурентной демократии, столь же безальтернативных, как пытались представить социалистический путь развития учёные его апологеты в эпоху развитого социализма. Последние были весьма усердны в выдаче желаемого (сильными мира того) за действительное, обещая наступление парадиза на земле в случае, если граждане будут вести себя соответственно указаниям этих самых сильных. Однако тем апологетам было далеко до Фукуямы. Сей «метафизический спекулянт» (по определению Эрика Хобсбаума⁴³, провозгласил в связи с позорным крахом социализма свершившийся факт наступления парадиза, хоть и в общих чертах, и нуждающегося ещё в частных поправках и улучшениях. Опьянение успехом и пребывание в грёзах чревато тяжким пробуждением, которое и произошло под гром взрывов 11 сентября 2001 г. Вместе с пробуждением пришло прозрение, что «безальтернативная система» не может ни существовать, ни определить самоё себя без наличия альтернатив. Причём сжитая до того со свету белого альтернатива была отнюдь не самой неприятной, как это казалось во времена оны.

6. Неравномерность как центральная характеристика развития, соотносимого с понятием глобализации. Уточняя понятие глобализации с целью представления его в форме, позволяющей определить проблемную направленность научного исследования или дискуссии, можно говорить о неравномерности как одном из качеств, характеризующих процессы, соотносимые с сугубо неудачным понятием глобализации. Неравномерность эта имеет различные аспекты и измерения.

6а. Временной аспект. Нацеленность на достижение любой ценой максимально возможного на данный момент экономического роста как основы решения политических, социальных и прочих задач приводит к воспроизводству модели развития, характеризваемой чередованием этапов подъема и спада. Более разумной представляется политика, направленная не только и не столько на форсирование роста, сколько на обеспечение социальной и полити-

---

⁴¹ Иноземцев В. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе / Ред. В. Иноземцев. М.: Academia, 1999. С. 3–64.

⁴² Priester K. Der neue Leviathan // Neue Gesellschaft/Frankfurter. Hefte N 6. 2003. S. 14–17.

⁴³ Hobsbawm E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991. Abacus, 1995. P. 6.

ческой стабильности при его (роста) отсутствии и даже отрицательных показателях⁴⁴. Необходимость таких корректив обусловлена как экологическими мотивами, так и состоянием беспомощности, в котором оказываются нации, пережившие феномены так называемого «экономического чуда» (Германия, Япония, несколько раз – США и т. д.) и вступившие после этого в полосу спада. Данный сценарий вполне вероятно предположить и для России по истечении действия макроэкономических факторов, связанных с повышением цен на нефть и некоторой активизацией рыночных стимулов экономического роста. Создание социальной, политической, инженерной и прочей инфраструктуры, ориентированной на постоянное и возрастающее вливание средств, чревато кризисными, а порой и социально-катастрофическими явлениями в ситуации, когда эти вливания оскудевают. На возможные катастрофические последствия культурного и политико-идеологического характера указывает произошедшая в промежутке между 1994 и 1998 гг. в России инверсия в соотношении ценностных предпочтений. Если в 1990 и 1994 гг. (до дефолта 1998 г.) процент предпочитавших свободу превышал долю сторонников безопасности в 2 раза, то в 1998 и 2002 гг. (после дефолта) наблюдалось обратное соотношение⁴⁵. Взаимосвязь между инверсией ценностных представлений и дефолтом остаётся гипотетической и требует специального изучения, однако слишком уж выразительны ассоциации с процессами взрывного формирования электорального потенциала национал-социалистической партии Германии в начале 30-х гг. минувшего столетия. Сходство в контексте: экономический кризис. Сходство в индикаторах настроений, лёгших в основу электоральных симпатий: карательные притязания, обострённое чувство безопасности. Предположительно, сходство в социальном профиле слоёв, наиболее подверженных формированию карательно-популистских ориентаций под воздействием угрозы материальному благополучию: средний класс⁴⁶. Фактор, смягчающий риск аналогичного развития в России: слабость и немногочисленность среднего класса.

Нынешняя специфика экономического развития, определяемая процессами в сфере виртуальной экономики с характерными для неё финансовыми кризисами, неуправляемыми финансовыми потоками и т. п., вряд ли даёт основания ожидать стабильности и устойчивости. Следствием такого экономического развития является политическая ситуация перманентного пребывания на бочке с порохом. Реализацию связанных с этой ситуацией рисков в современном мире можно наиболее отчётливо наблюдать на примере внутри- и внешне-политического курса США.

6б. Пространственный аспект неравномерности состоит в том, что действия, направленные на обеспечение экономического роста в определенных регионах, имеют следствием неожиданные, непредсказуемые и подчас социально деструктивные процессы в иных регионах. Образование гетто в результате действия динамики рыночных отношений, колебаний цен на недвижимость и земельные участки выходит за пределы отдельных городов и государств и принимает глобальный характер. В частности, значительные пространства африканского континента превращаются в «фавеллы мира», а российская глубинка – в «хрущобы России».

---

⁴⁴ Для пояснения альтернативы можно сопоставить развитие Австралии, сохраняющей стабильные темпы медленного экономического роста на протяжении десятилетий, и Аргентины, где фазы 10-процентного роста на протяжении тех же самых десятилетий перемежаются фазами экономического спада (*Godio J.* The «Argentine Anomaly»: From Wealth through Collapse to Neo-Developmentalism // *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2004. N 2. S. 130 и сл.).

⁴⁵ Вопрос предполагал именно выбор между свободой и безопасностью: «Что бы Вы предпочли: государство, обеспечивающее свободу личности, что может приводить к уменьшению безопасности, или государство, которое обеспечивает больше безопасности, но ограничивает свободу личности?» (*Лапин Н. И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 86).

⁴⁶ *Kraushaar W.* Extermismus der Mitte. Zur Geschichte einer soziologischen und sozialhistorischen Interpretationsfigur // *Lohmann H.-M.* (Hrsg.) Extermismus der Mitte. Vom rechten Verständnis deutscher Nation. Frankfurt/M, 1991. S. 30 ff.

Апологеты глобализации рынка, правда, в ответ на критику обострения пространственной неравномерности приводят убийственный контраргумент «сравнительных преимуществ». Этим контраргументом они пользуются как распрятием против изысков лукавого, и обычно с тем же успехом. В самом деле, зачем культивировать зерновые там, где сочные луга позволяют с наименьшими издержками держать поголовье скота? И зачем держать скот там, где климат и почва позволяют получать невиданные урожаи зерновых с наименьшими издержками⁴⁷? Если каждый из отдельных видов продукции производить именно в той части планеты, где издержки производства его наиболее низкие, а потом обменивать, это, несомненно, приведёт к повышению уровня благосостояния планеты в целом. Нужно только устранить все возможные препятствия на пути свободного обмена. Логика столь же железная, сколь и ограниченная условиями наличия дешёвого топлива, с использованием которого перевозятся товарные массы, включая навоз из скотоводческих регионов в земледельческие. А ну как топливо не будет таким дешёвым? Военно-полицейской защитой прав человека, «вбомбардировыванием» демократии, христианских ценностей и крестовыми походами против мирового зла можно лишь получить доступ к существующим запасам углеводородов, да и то не всегда. Увеличить же эти запасы такими методами вряд ли возможно, к вящему неудовольствию либерал-крестonosцев. В случае же удорожания топлива селения, ориентированные рыночными механизмами и стимулами на животноводство, только животноводство и ничего кроме животноводства, окажутся перед трилеммой. Либо они останутся при своих навозных массах без зерновых кормов, либо будут платить за доставку кормов на порядок дороже, нежели если бы они производили их у себя, либо же придётся восстанавливать инфраструктуру производства зерновых⁴⁸.

6 в. **Социально-пространственная неравномерность** находит свое наиболее яркое воплощение в «относительной депривации» свободы перемещения. Для определенных категорий граждан действительно устраняются границы, перед значительными же группами населения возникают (и искусственно создаются) всё новые экономические, административные и иные барьеры. Характерным примером является усиление визового и таможенного режимов в различных государствах под истерически-параноидальным предлогом борьбы с международной организованной преступностью, терроризмом, наркоторговлей и нелегальной миграцией. Демагогия и параноидальность состоят в заведомой неэффективности и зачастую – контрпродуктивности принимаемых мер. Реально выигрывают от них лишь организованные преступные группы, включая коррумпированные государственные инстанции, за счёт повышения цен на предлагаемые ими нелегальные услуги⁴⁹. В итоге, вместо расширения свободы передвижения, имеет место лишь модификация механизма селекции граждан на обладающих и не обладающих реальной свободой передвижения⁵⁰. Реальная свобода (также как и свобода «ночевать во дворце») достается на долю лиц, обладающих определённым экономическим статусом. На долю остальных, наряду со свободой «ночевать под мостом», приходится экономическое давление, заставляющее их покидать экономически дезорганизованные регионы проживания и искать заработок в роли официантов, грузчиков, проституток в экономически процветающих (пока ещё) уголках мира.

На счет экономических и административных барьеров следует отнести также сокращение реальных возможностей для путешествий значительных масс населения бывшего СССР, что усиливает и без того малоприятные эффекты относительной депривации. Параллельно

---

⁴⁷ Может быть, впрочем, чтобы уснащать навозом пашню?

⁴⁸ *Busse T.* Ideologie mit Fakten widerlegen: Neues von den Globalisierungskritikern und ihren Gegnern // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*. 2004. N 6. S. 72.

⁴⁹ *Тимофеев Л.* Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. СПб., 2001. С. 210, 235, 239.

⁵⁰ Подробнее см.: *Bauman Z.* *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Cambridge: Polity & Blackwell, 2001.

расширению свободы передвижения для одних категорий населения происходит сужение таких возможностей для других. Директорат предприятий имеет гораздо больше возможностей для деловых и псевдоделовых поездок по всему миру, в то время как технический персонал, например уборщицы, не может позволить себе посетить родственников в бывших братских республиках либо отдохнуть на черноморском побережье. С принципами меритократии или соответствия между объёмом вознаграждения и социальной полезностью вознаграждаемых усилий это не имеет ничего общего. Содержание физического пространства в чистоте имеет значительно более высокую и явную социальную ценность, нежели засорение экономического, политического, социального и прочего пространства коррупционными транзакциями.

В качестве обоснования селективности эмансипации и либерализации активно педалируется тезис о расширении возможностей злоупотребления свободой по мере расширения самой свободы и необходимости отсекал эти негативные возможности репрессивными методами. В современном понимании реальная свобода предстаёт в виде свободы выбора для немногих, которая умеет агрессивно защищать себя от злоупотреблений путем подавления свободы большинства.

6 г. Центральным является **функциональный аспект неравномерности**. Одно из проявлений диспропорциональности развития состоит в деградации систем социальной помощи, правовой защиты труда и иных правовых регуляторов социальных отношений с экспансией рыночных отношений в освободившиеся социально-регулятивные пространства. Однако в целом проблематика нарушения функционального баланса носит более общий характер. Отсутствие экономического роста ставит политическое руководство перед угрозой фиаско на выборах и атрофии фискальных источников финансирования социальной политики. В итоге политическая система последовательно превращается в заложницу экономического роста и придаток экономической системы. В основном она занята обеспечением бесперебойного протекания процессов (и эксцессов) обращения капитала и потребления. Данные процессы и эксцессы представляют собой *modus vivendi* и становой хребет экономической системы в её существующем виде при мнимом отсутствии жизнеспособных альтернатив после всемирноисторической победы капитализма над социализмом. Святая цель обслуживания экономических процессов оправдывает всё более широкий спектр средств, включая тоталитарные формы контроля, государственный террор и военные акции с грубым попранием международного права. Учитывая это, приходится признать, что продолжение наблюдаемых тенденций развития без внесения в них существенных корректив открывает малопривлекательную перспективу становления общества, характеризуемого сочетанием стихии рыночных отношений, авторитарной политической системы и полуживых (в иной редакции полумертвых) институтов социальной помощи (наиболее близкий эмпирический коррелят данной конструкции представляет собой современный Китай). Заслуживает упоминания ещё один диссонанс в развитии отношений между различными системами в процессе так называемой глобализации. Глобальные товарно-финансовые рынки формируются семимильными скачками. В отношении международных рынков труда, развитие которых всемерно замедляется миграционной политикой, более уместно вести речь о черепаших темпах. В формировании же глобального правового пространства и развитии институтов международной политики с 80-х гг. истёкшего столетия и вовсе возобладали регрессивные (и репрессивные) тенденции.

7. *Многозначность понятия глобализации и амбивалентность реального развития*. Границы понятия глобализации очень растяжимы, они могут вместить в себя неограниченное количество различных парадигм, направлений, перспектив и подходов. В результате теряются какие-либо чёткие ориентиры концептуальной привязки, дискурсивное поле становится диффузным. Создаётся иллюзия осуществления мечты теоретиков интегратив-

ной направленности – состояния сладкой гармонии, такого концептуального парадиза. Такого рода солидарность социальных аналитиков, согласившихся в принципе относительно философских основ и социальных функций социального знания, Дюркгейм определил бы как механическую. Она покоилась бы на гомогенности и (внешнем) согласии, – в отличие от органической, которая была бы построена на различиях, перманентном обмене, конфликтах, их разрешении и т. п. В данной конструкции, под всеобще-примиряющей концептуальной крышей нашли бы своё место прежде непримиримые теоретические элементы микро- и макросоциологии, детерминизма и акционизма, структурного и волюнтаристского анализа и т. д. И волки целы и овцы сыты, только вот ситуация эта равнозначна прекращению того самого спора, в котором, как известно, рождается истина. Отсюда и высказанное уже выше предположение, что эксцессивная приверженность представителей социальной науки концепту глобализации является патологическим фактором в процессе автопойезиса научной коммуникации и препятствует адекватному выполнению социальной наукой своих функций в обществе.

Реальное развитие носит в высшей степени амбивалентный характер. Наряду с интеграцией наций, культур и регионов происходит дробление, распад прежде интегрированных систем⁵¹. Оба разнонаправленных процесса носят в разных случаях более или менее глубокий или, наоборот, поверхностный? всесторонний, или, наоборот, однобокий характер. Об интеграции с большей или меньшей долей осторожности можно говорить на примере Европейского союза или отношений между США и Мексикой. Дезинтеграционные процессы преобладают на пространствах бывшего Советского Союза, Югославии, Восточного блока в целом. Падение стен, занавесов и стирание границ (Берлинская стена, «железный занавес») тут же сопровождается возникновением новых: границ Шенгенской зоны и крепости «Европа» с отчётливо параноидальными системами визово-пропускного режима, стены между США и Мексикой, между Израилем и Палестиной. Одну сторону медали представляют собой случаи безнасильственного урегулирования межнациональных и межгосударственных отношений, формирование глобального мышления и космополитизма. Другая её сторона – ренессанс самых «диких» форм национализма и трибализма, межцивилизационных конфликтов, терроризма и антитеррора⁵². Сердцевину этой амбивалентности составляет всемерное укрепление границы, которая имеет порой реально физическое, порой виртуальное, порой социально-пространственное оформление. Она проходит между государствами и внутри них, в пределах отдельных городов, в домах, в головах и межличностных отношениях. Речь идёт о границе между *включёнными* в функциональные системы общества и *исключёнными* из них индивидами и группами населения. Понятие глокализации несёт в себе скорее уход от проблем, вытекающих из амбивалентности, нежели какую-либо из альтернативных возможностей решения этих проблем. То, что глобализация сопровождается локализацией и наоборот, истина столь же пустая и формальная, как и наличие двух сторон у любой медали.

8. *Альтернативные теоретические проекты.* Помимо процессов, соотносимых с понятием глобализации, наблюдается целый ряд иных, содержание которых лучше покрывается или передаётся другими понятиями. Они могут частично пересекаться со смысловым полем концепции глобализации или находиться в совершенно иной смысловой плоскости, не имея с глобализацией решительно ничего общего. В качестве примеров можно назвать, в частности, усиление процессов *включения/исключения*. Они имеют направленность, обратную интеграции, однако социальный смысл их не укладывается в русло дискурса глобализа-

---

⁵¹ Bauman Z. Community: Seeking Safety in an Insecure World. Cambridge: Polity & Blackwell, 2001.

⁵² Говорить о дикости национализма и трибализма можно только в кавычках, поскольку явления эти являются такими же плодами цивилизации, как, скажем, и пытки, этнические чистки, концентрационные лагеря и ядерные бомбардировки.

ции, большей частью своей относясь к дискурсивной сфере проблем неравенства, угнетения, маргинализации⁵³. Другой пример – *освобождение или выпадение* индивидов из идентификационных каркасов классовой, религиозной, национальной, гендерной и иной принадлежности, в результате чего на долю индивида приходится свобода и необходимость самостоятельно определять свою идентичность, принимая при этом решения, не по дающиеся просчёту и предвидению. Некоторые усматривают основной вектор развития человечества в расставании с любимыми большими сказками, рассказами и иллюзиями, а также надеждами на обладание критериями различения добра и зла, лжи и истины, красоты и безобразия. Другие говорят о вытеснении насильственных образцов взаимодействия и гегемониального обеспечения собственных индивидуальных и групповых интересов делиберативными формами нахождения консенсуса в процессе рациональных дискурсов. Менее оптимистичным является диагноз усиления центробежных тенденций различных функциональных subsystemов общества, каждая из которых обладает собственной логикой и рациональностью, «оперативно закрыта» для других subsystemов при отсутствии какого-либо начала, механизма или посредника, способного объединить subsystemы в единое целое или обеспечить их взаимное понимание. Можно вспомнить ещё целый ряд теоретических предложений с префиксами «пост» и «нео» (постиндустриализм, постматериализм, постфордизм и т. д. и т. п.).

Ряд концепций текущего развития предложен с позиций социальной критики, в наибольшей степени разделяемых автором данной работы. Авторство одной из таких концепций принадлежит Зигмунту Бауману, наблюдающему становление «общества потребителя» (*consumer society*)⁵⁴. В таком обществе роль центральной детерминанты социального статуса и идентичности в возрастающей мере переходит от места в системе отношений производства к месту в системе отношений потребления. Ответы на вопросы «кто я есть, и в какой степени я заслуживаю социального признания» выводятся не из того, что и с каким успехом я произвожу, а из того, что и с каким успехом я потребляю. Достаточно яркой иллюстрацией данного развития является повышение социального статуса лиц, занятых в сфере финансовых спекуляций или же разного рода звёзд шоу– и порнобизнеса по отношению к лицам, занятым в сфере материального производства, не говоря уже о социальной сфере⁵⁵. Можно, конечно, предположить, что относительный рост статуса звёзд и спекулянтов связан с повышением социальной оценки их услуг и заслуг, общественной полезности и вклада в общее благо. Это означало бы, что характер производственной активности по-прежнему определяет социальный статус, признание и самопризнание. Однако Бауман предлагает иное объяснение, более щадящее имидж общества. Согласно ему дело вовсе не в социальной ценности и общественной полезности услуг и заслуг – эти обстоятельства просто теряют свою значимость на фоне возрастания роли количественных и качественных параметров потребления. Данные наблюдения находятся во фронтальном противоречии с концепцией постматериалистического изменения структуры ценностей (ожесточенно полемизирует против данной концепции также Дорис Люкес⁵⁶).

Эксплицитный вызов другой, менее популярной и более фундаментальной теоретической конструкции – концепции дифференциации функциональных подсистем обще-

---

⁵³ Следует оговориться, что проблематика включения/исключения понимается здесь в ином смысле, нежели Беком / Гидденсом, которые усматривают в ней нивелирование традиционных классовых различий распределения жизненных шансов и рисков – риск исключения якобы не зависит от классовой принадлежности и одинаков для представителей всех классов и сословий (*Goldthorpe J. H. Globalisierung und soziale Klassen... S. 308*).

⁵⁴ *Bauman Z. Consumer Society and the New Poor. Open University Press, 1998.*

⁵⁵ В этой связи вспоминаются скандальные результаты опросов учащихся средних школ в России в 1990-е гг. по вопросу престижности профессий и сфер занятости. В частности, профессия проститутки занимала лидирующие места у девочек, а профессия рэкетира – у мальчиков, намного превысив, скажем, рейтинг профессора.

⁵⁶ *Lukes D. Wirklichkeitskonstruktion als Ware: Der «Wertewandel» in der westlichen Welt // Internationale Politik und Gesellschaft. 2000. N 4. S. 389–398.*

ства – содержит тезис Зигхарда Неккеля о становлении рыночного общества⁵⁷. Речь идет не об обществе, экономическая система которого функционирует на основе рыночных принципов, да и не об экономике вообще. Предметом критического анализа является экспансия экономических отношений в иные жизненные сферы и системные области: политику, искусство, право, науку и т. д. Этот процесс обладает обратной направленностью по отношению к дифференциации и взаимному закрытию функциональных систем – развитию, нашедшему воистину грандиозное теоретическое и эмпирическое обоснование в работах Никласа Луманна. Код экономической коммуникации вытесняет собственные структурные принципы функционирования иных систем и подчиняет их себе. Ближайшей медицинской аналогией данных мутаций являются злокачественные новообразования и процессы их метастазирования. Неккель рассматривает культурные импликации данного процесса, характеризуемого более политизированными авторами как становление и развитие рыночного тоталитаризма⁵⁸.

Наконец, один из теоретических проектов основан на констатации признаков ревизии (в одностороннем порядке) достигнутого ранее компромисса между трудом и капиталом. Эти признаки все более отчетливо проявляются в развитых (пост?) индустриальных странах, начиная со второй половины 70-х гг. прошлого столетия. Процесс ещё явно не получил достойного теоретического осмысления и не встретил должного практического сопротивления. Начало его ассоциируется с именами и политикой Маргарет Тэтчер и Рональда Рэйгана. Возглавлявшиеся названными лицами администрации нанесли мощные удары по профсоюзам, и без того ослабленным уже в результате пост– и деиндустриализации. Они благодетельствовали работодателей существенными налоговыми льготами и осуществили значительное сокращение правовой защиты труда и социальной помощи⁵⁹. Государство сбросило овечью шкуру нейтралитета в отношениях между трудом и капиталом (между профсоюзами и работодателями) и встало на позиции защиты интересов имущих классов. Эта метаморфоза имела уголовно-политические аспекты. Уголовная репрессия всегда характеризуется селективным преследованием преимущественно низших слоёв общества. Опять же всегда она является средством воздействия на симптомы существующих диспропорций в социальных отношениях. Основная цель такого воздействия – реальное и показное устранение необходимости воздействия на сами диспропорции: уголовная репрессия является альтернативой социальной защите и социальному реформированию. Поэтому усиление репрессии вписывается в контекст консерватив но-реакционной политики, направленной на защиту интересов имущих классов от претензий классов неимущих. Не углубляясь в подробную характеристику данной смены приоритетов и ориентаций, можно привести следующую её характеристику: «На место ... баланса между предпринимательским успехом и общественным благом пришло краткосрочное повышение курса акций, паевой стоимости (*shareholder value*) и доходов управленческого (менеджерского) персонала, которое оттеснило на задний план все остальные макроэкономические и общественные ценности, в частности, сохране-

---

⁵⁷ Neckel S. «Leistung» und «Erfolg». Die Symbolische Ordnung der Marktgesellschaft // Barlosius E.; Mueller H.-P. & Steffen S. (Hrsg.) Gesellschaftsbilder im Umbruch. Soziologische Perspektiven in Deutschland. Opladen: Leske und Budrich, 2001. S. 255; Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1.

⁵⁸ Barber B. R. End of Democracy? Privatisierung korrumpiert die res publica // Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte. 2004. N 1, 2. S. 12; Forrester V. Die Diktatur des Profits. München: Deutscher Taschenbuch Verl., 2002; Golbert V. Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten. Lit-Verl.: Münster-Hamburg-London, 2003. S. 175 и сл.

⁵⁹ Всё это должно было принести экономическое оздоровление и создание новых рабочих мест. С уверенностью можно говорить только о некоторых относительно устойчивых эффектах экономического оздоровления лишь в Объединённом королевстве. В Соединённых же Штатах ожидаемые эффекты либо не наступили вообще, либо носили очень непродолжительный характер – возможно, отчасти, потому, что здесь программа неолиберальных экономических реформ проводилась в жизнь наиболее последовательно и однобоко.

ние и создание рабочих и учебных мест»⁶⁰. Приход либеральных администраций на смену консервативным не изменил данного курса, в связи с чем есть основания полагать, что речь идёт о чём-то большем, нежели кратковременные колебания политической конъюнктуры. Дискурс глобализации пришёл к двору модернизаторам от социал-демократии. Он предлагает оправдания. Оправдываться же есть в чём: в ревизии собственных программных позиций, в политической картеллизации с отрывом от собственного социального базиса, в курсе на демонтаж социального государства и продолжении неолиберального курса дерегулирования и флексибилизации (или, пользуясь выражением Пьера Бурдьё, флексплуатации). Всё это происходит под давлением мнимо «объективных» процессов глобализации⁶¹.

9. *Нищета интеграционизма и иные познавательные-теоретические импликации*. Итак, мы имеем дело с несколькими альтернативными видениями, описаниями и осмыслениями текущего развития. Каждое из них более или менее убедительно характеризует какой-либо из аспектов действительности и в каждом же заложен некоторый потенциал собственной абсолютизации, узурпации ранга единственно верной теории. Такая теория претендовала бы на «объективное» отражение «истинного» положения дел, исключая альтернативы, способные в равной степени претендовать на «истинность» и «объективность». Каждая из перечисленных выше концептуальных моделей пользуется более или менее широким признанием в научном и популярностью во вненаучном сообществе, политической и идеологической конъюнктурой. Каждая обладает некоторой внутренней непротиворечивостью, собственной определённой понятий; каждая относительно идиосинкратична (закрыта) и **лишь в некоторой степени** совместима с альтернативными теоретическими конструкциями. Последнее обстоятельство указывает на невозможность интеграции их в некую единую метасистему, объединяющую постмодернизм, неомарксизм, теорию рефлексивной современности и общества как коммуникации и т. д. Плодом такой гибридации может быть лишь лоскутное одеяло. Под ним, возможно, тепло спать, но оно не способно дать внутренне непротиворечивой картины действительности. Логическая интеграция альтернативных теоретических проектов, подведение их под общий знаменатель представляется делом бессмысленным и бесплодным, невыполнимым или выполнимым лишь ценой профанации, выхолащивания и нивелирования их аутентичного смысла, сведения к бессодержательной абстракции вроде принципов самоорганизации или диалектики⁶².

Из сказанного вытекает отрицание теорий научного познания как «отображения» или «соответствия» (*Korrespondenz- und Abbildungstheorien*). Такие теории предполагают, что наука стремится предложить картину действительности, «как она есть»⁶³. Подобная картина явилась бы изображением огромного количества гетерогенных элементов и взаимосвязей между ними, разобраться в которых не было бы никакого реального шанса. Слабое приближение представлял собой мультифакторный подход в криминологии, в рамках которого была предпринята попытка привести в систему все биологические, психические и социальные факторы, детерминирующие преступное поведение. Попытки были оставлены, когда число лишь наиболее важных факторов достигло четырёхсот, не поддающихся

⁶⁰ Demuth Ch. & Fries J. Eine neue Tugend – sozialer Patriotismus // Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte. 2004. N 6. S. 4.

⁶¹ Blyth M. Globalization and the Limits of Democratic Choice. Social Democracy and the Rise of Political Cartelization // Internationale Politik und Gesellschaft. 2003. N 3. S. 60–82.

⁶² Это же относится к попыткам создания междисциплинарных, например социо-биологических или социопсихических, моделей конкретных эмпирических феноменов, например преступного поведения. Если кто-то сомневается, пусть попробует предложить единое понятие социальной структуры, применимое в концептуальной конструкции, объединяющей марксистскую классовую теорию и теорию функциональной дифференциации Луманна (или уж, тем более, интегрировать марксизм с теорией модернизации).

⁶³ Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1995. S. 52; Sack F. Akteursmodelle in den Sozialwissenschaften // Kunz K.-L. & Besozzi, C. (Hrsg.) Soziale Reflexivität und qualitative Methodik. Zum Selbstverständnis der Kriminologie in der Spätmoderne. Haupt Verl. Bern et al., 2002. S. 78.

обзору, не укладывающихся в единую концептуальную схему и поле зрения. То, что делает наука, это не моделирование действительности «как она есть», не отражение, а разложение её на элементы и рекомбинация (*Auflösung und Rekombination*)⁶⁴. При этом происходит отбор более от менее важного (или релевантного в рамках данной референтной или концептуальной системы). Очевидным является хотя бы факт, что в действительности нет каких-либо естественных границ между той же биологической, физической, социальной и психической реальностью: границы эти являются результатом именно акта разложения, о котором пишет Луманн. Теперь давайте представим себе «общенаучную» картину реальности, нарисованную без данного дисциплинарного разграничения – это будет либо предельно поверхностная картина, либо же не поддающийся восприятию и осмыслению конгломерат гетерогенных элементов.

В основе разложения и рекомбинации лежит не «объективный» смысл исследуемых явлений и процессов, а критерии собственно научной коммуникации⁶⁵. Эти критерии определяют, какие аспекты и взаимосвязи выделяются из всей бесконечной их массы, составляющей объект познания, «объективную» действительность или внесистемную (по отношению к науке) среду. Какие аспекты и взаимосвязи, и в какой комбинации между собой объявляются центральными, важными, системообразующими, определяется тем, через призму каких ключевых понятий наблюдается действительность, а не тем, какие элементы её являются центральными и важными, и как они взаимосвязаны «на самом деле». «На самом деле» или во вненаучной действительности не существует важности и центральности, количество же взаимосвязей столь велико, что важнейшей задачей является их селекция с точки зрения не их имманентных признаков, а критериев, имманентных научной коммуникации или наблюдению.

Предложенное понимание отношений между познанием и действительностью, разумеется, является лишь одним из возможных, а не единственно верным. Представляется, однако, что оно достаточно продуктивно и в то же время недостаточно воспринято в научной среде, занятой в подавляющей своей массе разработкой моделей «действительных» отношений в пределах предмета познания. Продуктивно оно, в частности, для понимания отношений между альтернативными теоретическими проектами. Рассматриваем ли мы текущее развитие через призму понятия глобализации, а социальную структуру с использованием понятия классов или же сетевых структур, определяется не «объективно» преобладающим вектором некоего развития. Выбор диктуется тем, **считаем ли мы преобладающими** процессы интеграции, стирания или же, наоборот, обострения социальных противоречий; занимаем ли скорее социально-критическую позицию по отношению к существующим отношениям власти и собственности, или, напротив, занимаемся их апологией⁶⁶.

10. *Идеологичность глобализационного дискурса*. Протекание научной коммуникации и кодирование тезисов как истинных либо неистинных, значимых либо незначимых и т. д. детерминируется собственной структурой этой коммуникации. В этом нет ничего предосудительного или ненаучного, если происходит рефлексия оснований для занятия тех или иных позиций, принятия тех или иных понятий в качестве исходных или ключевых. В идеаль-

---

⁶⁴ Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft.

⁶⁵ Важное отличие от кантовских априорных категорий состоит в том, что данные критерии возникают и трансформируются в процессе коммуникации, являясь её предпосылками в той же степени, что и её продуктом. С постмодернистским «*anything goes*» это также не имеет ничего общего, поскольку критерии достаточно жёстко детерминируют протекание коммуникации, позволяя различать между смыслом и бессмыслицей, истиной и «неистиной» (с точки зрения этих критериев, а не соответствия «реальному» положению дел в мире).

⁶⁶ Это отнюдь не освобождает нас от необходимости обоснования собственных позиций, решений в пользу тех или иных категорий и представлений о значимости. Напротив, эта необходимость существенно усугубляется в рамках предлагаемой парадигмы познания. Однако решающим аргументом такого обоснования становятся не отношения вне научной коммуникации, независимые от неё; и не соответствие научных конструкций таким внешним отношениям.

ном случае такие основания формируются в сфере научной коммуникации, исходя из её собственной системной логики. Однако в реальности идеальных случаев не бывает, и в решение научных вопросов неизбежно привлекают экономические, политические и культурные факторы и мотивы. Признание значимости таких внешних влияний принципиально несовместимо с системно-теоретической концепцией познания Луманна, как это он сам утверждает вполне эксплицитно и многократно. Выход за пределы его концепций не обязательно предполагает оспаривание автономии и оперативной закрытости систем. Напротив, их можно признать для того, чтобы тут же отвлечься от них и обратиться к вопросам взаимопроникновения и взаимозависимости систем. В таком случае мы исходим из картины мира с гораздо более прозрачными межсистемными границами и гораздо более интенсивным взаимодействием между системами, нежели это допускается теорией Луманна и предложенным в ней понятием структурных сочленений (*strukturelle Kopplungen*). Такая картина не является более верной или соответствующей «действительности», нежели предложенная Луманном. Она является лишь альтернативной и выделяет те аспекты, взаимосвязи и понятия, которые остаются на заднем плане в теории Луманна. Даже в его всеобъемлющей теоретической системе невозможно охватить все возможные элементы действительности, в силу чего неизбежны селективное выделение и рекомбинация элементов – этот тезис вытекает из аутологичного обращения логики Луманна на самоё себя.

Предлагаемая ревизия взглядов Луманна состоит в признании за тезисом автономии систем статуса относительности. Пребывание в пределах системы науки либо выход в пространство идеологии, экономики, журнализма определяются не строгим и однозначным выбором между научным и ненаучным кодами коммуникации, не в виде дилеммы. Речь идёт скорее о преобладании того или другого. Смысловая область науки – это некий универсум, идеально-типический центр которого являет собой случай строгого применения научного, только научного и никакого кроме научного, кода коммуникации, различающего между истиной и неистинной. Иные коды различают между добром и злом, прекрасным и безобразным, господством и подчинением, легальным и нелегальным, обладанием и необладанием собственностью. Чем больше примесей, создаваемых участием иных кодов, тем более удаляется данный конкретный случай коммуникации от центра к периферии. Наконец, коммуникация перестаёт быть научной, если политический, экономический либо иной вненаучный код начинают превалировать над научным. Об извращении можно говорить, если такая коммуникация продолжает определять самоё себя либо воспринимается извне как наука. Точное определение грани, до которой наука остаётся наукой, и соответствующая идентификация конкретных дискурсивных практик по ту или иную сторону этой грани невозможна. Она и не нужна: в социальной жизни многое построено как раз на неопределённости и многозначной идентификации⁶⁷. Вполне достаточно возможности суждения о случаях явного и эксцессивного доминирования вненаучных мотивов в коммуникации, определяющей себя как научная. Такой эксцесс был характерен для значительных сегментов социальной науки в странах социалистического блока, равно как и противоположных течений пара-, псевдо- или квазинаучной мысли, представленных работами Фридриха фон Хайека, Ричарда Пайпса, неолиберальной теологии рынка.

Вышесказанное исключает в принципе любой разговор о глобализации как «объективно» преобладающем векторе развития. Преобладает он лишь постольку, поскольку значительные массы научной и вненаучной общественности предпочитают рассматривать его как преобладающий по отношению к альтернативным, зачастую противоположным тенден-

---

⁶⁷ Сами попытки однозначной идентификации представляются весьма сомнительными и преимущественно контрпродуктивными вне зависимости от того, осуществляются ли они собственно научными или же вненаучными комиссиями, комитетами и иными органами. Это отчётливо проявляется в официальных практиках сертификации, присуждения учёных степеней, принятия текстов к опубликованию, выделения грантов и т. д.

циям. В некоторых случаях, возможно, приводится более или менее глубокое обоснование данных эпистемологических предпочтений. Автору данной работы, однако же, при достаточно обширном знакомстве с глобализационным дискурсом, досадным образом попадались на глаза лишь весьма поверхностные обоснования. То, что лежащие на поверхности факты развития воздушного сообщения и Интернета, глобальных рынков и транснациональных корпораций означают или ведут к изменению человека, общества и культуры, глубинных, базовых структур действия и мышления, отношений власти и собственности, подлежит доказательству. Таковое, как правило, не предлагается – по всей видимости, уж слишком авторы утомлены перечислением внешних и самоочевидных (впрочем, самоочевидных и без грандиозных усилий авторов) признаков так называемой глобализации. Эти перечисления весьма напоминают декламационные практики овец в оруэлловском «Скотном дворе», направленные на самоубеждение в том, что вещи обстоят соответственно декламируемым лозунгам. Напрашивается ещё одна литературная параллель: вспомним диалог персонажей Михаила Булгакова на арене московского цирка:

– ...скажи мне, любезный Фагот, – осведомился Воланд..., ведь *петербургское* народонаселение значительно изменилось?...

– Точно так, мессир, – негромко ответил Фагот-Коровьев.

– Ты прав. Горожане сильно изменились, **внешне**, я говорю, как и сам город, впрочем. О костюмах нечего и говорить, но появились эти... как их... *компьютеры, Интернет...*

– *World Wide Web*, – почтительно подсказал Фагот.

Физиономия *Глобальского*, приютившегося сбоку сцены, начала выражать недоумение. Воспользовавшись паузой, он заговорил:

– Иностраный артист выражает свое восхищение *Санкт-Петербургом, ставшим европейским городом и включённым в процесс глобализации*, а также и *петербуржцами*, – тут *Глобальский* дважды улыбнулся, сперва партнёру, а потом галерее.

Воланд, Фагот и кот повернули головы в сторону *Глобальского*.

– Разве я выразил восхищение? – спросил маг у Фагота.

– Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, – ответил тот.

– Так что же говорит этот человек?

– А он попросту соврал! – звучно сообщил клетчатый помощник и, обратясь к *Глобальскому*, прибавил: – Поздравляю вас, гражданин соврамши!

С галереи прыснуло смешком, а *Глобальский* вздрогнул и выпучил глаза.

– Но меня, конечно, не столько интересуют *Microsoft, Intel* и прочая...

– *Hard-and-soft-ware-дребедень!* – подсказал клетчатый.

– Совершенно верно, благодарю, сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли эти граждане *и общество внутренне?*

– Да, это **важнейший** вопрос, сударь.

– Ну что же...они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота (*или же виртуально-электронные*). Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... *сделки с недвижимостью* только испортили их...

(Михаил А. Булгаков [1988]: Мастер и Маргарита. – Минск: Мастацкая літаратура: 388–392; все ...пропуски, *изменения-курсив* и **выделения** сделаны В. Г.).

Иногда аргументом в пользу понятия глобализации как одной из ключевых аналитических категорий изучения социальной реальности на данном этапе выступает парадигмально-эпохальное открытие факта взаимопереплетения национально-экономических систем. Открытие это даёт повод по-новому рассматривать мировое сообщество. Оно предстаёт не как совокупность национальных «контейнеров», пусть и взаимодействующих

между собой, а как живая система взаимосвязей, существующая вне национальных границ, проведённых «поверх» этих взаимосвязей и лишь опосредованно влияющих на них⁶⁸. Тем самым предлагается модель, уже задолго до того гораздо глубже разработанная и обоснованная в работах Луманна или представителей школы «различных вариантов капитализма» без излишнего фанфаронства, трубно провозглашающего наступление новой эпохи⁶⁹. Хобсбаум выделяет свершившийся факт формирования глобальной экономики как единого целого в качестве одного из трёх важнейших различий между состоянием мира в 1914 и 1991 гг. Возникает вопрос, почему же он на этом основании не обозначает текущий или наступающий этап как эпоху глобализации? И почему преобладающая масса коллег поступает противоположным образом? Ведь основываясь на двух других различиях, выделяемых историком, можно говорить об эпохе «девропеизации» или же «дезинте грации прежних моделей социальных отношений, нарушения связи между поколениями, между прошлым и настоящим»⁷⁰? Может быть, коллеги уделяют столько внимания одному из аспектов, чтобы не видеть за ним других, более проблемных и тревожных?

Многие из пишущих о глобализации не затрудняют себя рефлексией оснований решения в пользу данного понятия. Дело ясное, и понятие можно брать как данность. Эссенциалистски понимаемыми данностями такого же порядка являются национальные идентичности, половая предрасположенность к выполнению строго заданных гендерных производственных и воспроизводственных функций, демократичность общественно-политического устройства Соединённых Штатов, взаимосвязь рыночной экономики с демократическим политическим устройством, приверженность христианской религиозной культуры идеям прав человека, предрасположенность исламской религиозной культуры к насилию и т. д. Поскольку склонности к употреблению и злоупотреблению понятием глобализации не даётся собственного обоснования, постольку оно требует внешнего объяснения. Можно предложить несколько вариантов такового – помимо различных догадок, предлагаемых выше, правдоподобной представляется модель «снежного кома», подчёркивающая внутреннюю динамику развития концепции. После того, как дискурс глобализации набрал определённые обороты, и удельный вес его в коммуникации достиг определённой критической массы, он воспроизводит самоё себя. Мы начинаем говорить о глобализации, потому что это принято, модно, потому что все кругом о ней говорят. Потому что это легко воспринимается на слух, не требуя дополнительной расшифровки понятий и тезисов, что облегчает задачу написания заявок на гранты, научных отчётов и работ. В этом смысле триумфальное шествие понятия глобализации по планете объясняется не его состоятельностью с точки зрения собственно научных критериев, а скорее тем, что оно отвечает критериям вненаучной коммуникации, являясь «раскрученным брендом».

Почему же бренд раскрутили? Перефразируя поэта, можно сказать: если бренд раскручивают, значит, это кому-то нужно... Кто может быть особенно заинтересован в том, чтобы действительность воспринималась и осмыслялась через призму понятия глобализации? Один из ответов предлагает французская журналистка Вивиан Форрестер. Заражение научных, политических и прочих дискурсов идеологией глобализации на руку ультралиберальным кругам, процветающим и преуспевающим в условиях «нового капитализма» за счёт обострения социальных проблем, затрагивающих интересы значительных масс населения планеты: «Одним из главных козырей, важнейшим оружием в этом грабительском походе явилось введение в оборот извращенческого понятия “глобализации”, якобы определяющего состояние мира, в действительности же затемняющего его. Будучи расплывчатой этикеткой,

---

⁶⁸ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. С. 53.

⁶⁹ Dauderstädt M. Review von Beck'2002 // Internationale Politik und Gesellschaft. 2003. N 4. S. 166.

⁷⁰ Hobsbawm E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991. Abacus, 1995. P. 15–16.

лишённой как связи с действительностью, так и точного смысла, понятие включает в себя экономику и политику, общество и культуру, вытесняя их из поля зрения и помещая себя на их место с целью воспрепятствовать любым попыткам предметного анализа этой амальгамы»⁷¹.

Понятием глобализации навязывается представление о взаимосвязанности двух процессов. С одной стороны, это очевидный прогресс в развитии науки и техники, производительности труда, межнациональной и планетарной коммуникации. С другой стороны, это не столь доступное для непосредственного наблюдения установление ультралиберального режима экономического и политико-идеологического господства, исключения и подавления⁷². Глобализация – понятие, ничего не выражающее как раз в смысловой плоскости второго аспекта, т. е. слепое в отношении анализа отношений господства, исключения и подавления. В силу этого, покрытие им данного аспекта позволяет решить ряд идеологических задач. Первая из них – затруднить вычленение из многообразных взаимосвязей, процессов и отношений технического, информационного, экономического, культурного и прочего характера именно тех, которые должны стать мишенью критического анализа и внесения практических коррективов, диктуемых интересами большинства, подвергаемого подавлению и исключению. Вторая – затруднить восприятие этих отношений в качестве таковых, т. е. навести тень на плетень и воспрепятствовать тому, чтобы вещи были названы своими именами. Третья – исходя из представлений о каузальных взаимосвязях между техническим прогрессом и установлением ультралиберального режима представить тех, кто выступает против последнего, как ретроградов и луддитов, отрицающих объективные закономерности развития, самоочевидные факты и отвергающих достижения научно-технического прогресса⁷³. Научная позиция по отношению к понятию глобализации предполагает его разложение и рекомбинацию, основные процедуры научного процесса согласно Луманну⁷⁴. А также превращение в предмет идеологиокритики (*Ideologiekritik*: нем.).

Подводя итог вышесказанному, следует признать правомерность существования и взаимной критики различных, очень часто взаимоисключающих, подходов к определению понятия глобализации. Любой из подходов далёк от того, чтобы охватить в целом то, что можно понимать как объективную действительность. Каждый из них выделяет те или иные её аспекты на основе априорных научных, идеологических либо иных предпочтений и объявляет именно выделенные аспекты наиболее интересными с теоретической и наиболее значимыми с практической точки зрения. Хотелось бы ещё раз подчеркнуть импликацию подхода, декларирующего необратимость и объективность процесса глобализации. Соответственно представленной здесь позиции, за данной декларацией **объектив-**

---

⁷¹ Forrester V. Die Diktatur des Profits. München: Deutscher Taschenbuch Verl., 2002. S. 7–8.

⁷² Форрестер полагает, что режим этот не имеет ничего общего с экономикой или политикой, если понимать под ними удовлетворение материальных потребностей или регулирование вопросов, имеющих общественную значимость. Ультралиберализм – идеология, направленная на обеспечение и обоснование условий для удовлетворения голой иррационально-невротической жажды наживы. Институциональное воплощение эти условия находят в спекулятивном и гиперспекулятивном секторах финансовой активности, бесконечно удалённых (на сотни световых лет) от того, что можно определить как материальные потребности либо общественные интересы.

⁷³ Что вполне логично, если исходить из допущения, что ультралиберализм – дитя прогресса, а дальнейший прогресс наилучшим образом обеспечивается именно режимом ультралиберальных отношений. Однако допущение это слишком уж вольное. Более правдоподобно предположить обратное: что ультралиберальный режим является как одним из тупиков истории, бастардом эволюции, так и препятствием на пути дальнейшего прогресса, в силу чего важнейшим условием последнего является демонтаж данного режима.

⁷⁴ Подобное разложение предпринимается в книге Бека в виде различия между глобализацией и глобализмом (*Бек У. Что такое глобализация...*), в чём следует признать несомненную заслугу автора. Однако глубина анализа отношений между различаемыми понятиями и феноменами оставляет желать лучшего. Бек не осознаёт значимости и импликаций собственной идеи, не использует содержащегося в ней потенциала и упускает тем самым шанс предложения более сильной концептуальной модели.

ности скрывается лишь **субъективный** (а, следовательно, и «обратимый», т. е. доступный для реконструкции и деконструкции) выбор. Он основан на предпочтении анализа тех аспектов действительности, которые позволяют представить процесс как протекающий вне зависимости от наших и не наших желаний и нежеланий, интересов, надежд, чаяний и опасений. Данная позиция предполагает лишь внесение частных поправок в текущее развитие, не допуская и мысли об обращении вспять ряда составляющих его процессов. И вроде бы опыт социального экспериментирования в истёкшем столетии даёт достаточно оснований для такой осторожности. Следует, однако, помнить, что подобного рода осторожность в совокупности со всеми её явными и неявными идеологическими обоснованиями воспрепятствовала своевременному реформированию социалистической системы. Представления о невозможности обращения вспять ряда протекавших в её рамках процессов обернулись в конечном итоге социально-катастрофическими формами такого обращения. Вполне возможно, что более дифференцированный подход к развитию плановой экономики и обобществления средств производства, выделение в этом развитии аспектов, доступных для обращения вспять и подлежащих таковому был чреват менее катастрофическими последствиями. История не знает сослагательного наклонения, и это предположение звучит как гадание на кофейной гуще. Однако оно побуждает к постановке некоторых вопросов сторонникам необратимости и объективности. Если текущий вектор развития невозможно изменить, какая из следующих альтернатив представляется предпочтительнее? Дальнейшее усугубление неравенства, относительной депривации и исключения с нарастанием всех сопровождающих явлений: международного терроризма, асимметричных войн, организованной преступности, карательного популизма, режима тотального контроля, столь же неэффективного в плане противодействия преступности, сколь губительного для демократических прав, свобод и основ правовой государственности? Или повышение параметров материального потребления в странах, определяемых как бедные, отсталые или развивающиеся (в определённых кругах выражаются более прямо: неполноценные), примерно до уровня «развитых» стран? И следующее за этим моментальное исчерпание целого ряда природных ресурсов, в первую очередь углеводородов? А также коллапс глобальной экосистемы, поскольку в обозримом будущем не предвидится технологических возможностей такого выравнивания уровня материального потребления в глобальном масштабе без возрастания выбросов CO₂, для переработки которых требуется ёмкость примерно шести земных атмосфер⁷⁵? Или же всё-таки крамольная альтернатива обращения вспять некоторых процессов, предусматривающая выравнивание уровня материального потребления путём повышения его в некоторых сферах географического и социального пространства, одновременно с ограничением в иных сферах?

Вышеизложенные критические соображения в отношении концепции глобализации не исключают целесообразности рассмотрения эмпирических процессов и явлений, которые соотносятся с этой концепцией. А Васька слушает, да ест...

Перейдем к рассмотрению этих процессов.

---

⁷⁵ Busse T. Ideologie mit Fakten widerlegen: Neues von den Globalisierungskritikern und ihren Gegnern // Neue Gesellschaft/ Frankfurter Hefte. 2004. N 6. S. 71–73.

Глава 3 Преступность

Преступность – сложный социальный феномен, развивающийся по своим законам⁷⁶. Зависимость преступности от экономических, социальных, политических, демографических, культурологических процессов и их глобализация неизбежно сказываются на глобализации преступности. Это проявляется, прежде всего, в наличии некоторых *общемировых закономерностей*. Основными из них до середины и конца 90-х годов минувшего столетия были⁷⁷:

- абсолютный и относительный рост зарегистрированной преступности в мире (общемировой уровень преступности в расчете на 100 000 человек населения вырос с 1600 в 1975 г. до 7000 к 1995 г.);
- существенно более высокий уровень зарегистрированной преступности в развитых странах, чем в развивающихся (в 1975 г. соответственно 4200 и 800, в 1995 г. – свыше 8000 и свыше 1500);
- «гуманизация» преступности в развитых странах – рост удельного веса имущественных преступлений при сокращении удельного веса насильственной преступности (в развивающихся странах и в странах бывшего СССР эта тенденция либо не наблюдается, либо менее ярко выражена; в России удельный вес преступлений против личности составил в 1988 г. 6,0 % общей преступности, в 2003 г. – 5,2 %, а преступлений против собственности соответственно 51,5 % и 59,7 %⁷⁸);
- отставание социального контроля над преступностью от ее развития.

Конечно, общие тенденции проявляются неодинаково в разных странах и регионах, возможны те или иные «отклонения». Кроме того, речь идет о тенденциях *зарегистрированной* преступности, что не соответствует реальной ситуации (латентная, т. е. неучтенная, незарегистрированная преступность всегда значительно превосходит зарегистрированную ее часть⁷⁹).

Однако с конца 90-х гг. минувшего столетия наметилась тенденция замедления темпов роста, а то и относительного сокращения уровня преступности в целом и отдельных ее видов во многих регионах⁸⁰.

Так, в странах Европы в 2000–2001 гг. снижался уровень общей преступности в Австрии (–7 %), Болгарии (–3 %), Дании (–6 %), Италии (–2 %), Литве (–4 %), Румынии (–4 %), Финляндии (–6 %), Чехии (–8 %), Швеции (–2 %). «Реперными» точками могут служить 1980, 1993, 2000 гг. Так, например, в эти годы уровень преступности составлял: в Дании –

---

⁷⁶ Подробнее см.: *Гилинский Я. И.* Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002.

⁷⁷ *Лунеев В. В.* Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. М., 1997.

⁷⁸ Здесь и далее основным источником статистических сведений о преступности в России служат ежегодники «Преступность и правонарушения: Статистический сборник». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

⁷⁹ Подробнее см.: *Гаврилов Б.* Способна ли российская статистика о преступности быть реальной? // Государство и право. 2001. № 1. С. 47–62; *Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W.* Determining Trends in Global Crime and Justice: An Overview of Results from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice System // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3. N 1–2. NY, 2004. P. 35–63.

⁸⁰ *Лунеев В. В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. М.: Wolters Kluwer, 2005. С. 35–46; *Barclay G., Tavares C.* International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003, Issue 12/03; *Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W.* Determining Trends in Global Crime and Justice... // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3. N 1–2. NY, 2004. P. 35–63.

8282, 12 084, 9451; в Германии – 4873, 8337, 7621; в Канаде – 8804, 11 447, 8041. Эта тенденция характерна для большинства развитых стран Европы и Северной Америки.

Вместе с тем в ряде европейских государств уровень общей преступности продолжал расти (Испания, Норвегия, Португалия и др.). В некоторых странах при общем росте преступности резко сократились темпы роста (Польша, Япония).

В целом уровень общей преступности (на 100 тыс. населения) во всем мире повысился с 2500 в 1980 г. до 3100 в 2000 г.; в Северной Америке снизился с 8900 в 1991 г. до 6000 в 2000 г.; в странах Европейского союза этот показатель возрастал с 5000 в 1980 г. до 6200 в 1994 г. с последующей стабилизацией, сокращением до 6000 в 1998 г. и вновь небольшим повышением до 6200 к 2000 г.; в странах Латинской Америки и Карибского бассейна уровень преступности волнообразно колебался: 2200 в 1980 г., 2000 в 1984 г., немногим более 3000 в 1989, 1993–1994 гг., снижение до 2800 в 1997 г., возрастание до 3500 в 1998–1999 гг. с небольшим снижением в 2000 г.

Однако уровень общей преступности максимально зависит от активности полиции и степени латентности. Значительно представительней данные о таких тягчайших преступлениях, как убийство.

В целом уровень убийств в мире и в большинстве регионов относительно стабилен. Так, общемировой показатель в течение 1980–2000 гг. держится примерно между 6–8 убийствами в год на 100 тыс. населения с небольшим возрастанием в 1989 г. и 1992–1994 гг. Самые высокие средние показатели убийств – 23–26 – в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Высокий уровень убийств в странах Африки к югу от Сахары – 17–21 с тенденцией к снижению (максимум – 21 в 1989 г., к 2000 г. – 17). Самые низкие показатели – в арабских государствах (2–3) и в странах Европейского союза (2–2,5). И лишь «из всех рассматриваемых регионов Восточная Европа и Содружество Независимых Государств имеют показатели, демонстрирующие самые явные тенденции к увеличению на протяжении всего отчетного периода»⁸¹.

Более наглядная картина представлена в табл. 1.

Таблица 1. Уровень на (100 тыс. населения) смертности от убийств в некоторых государствах (1984–2001)

---

⁸¹ Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Op. cit. P. 48.

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Австралия				1,9	2,4	1,8	2,2
Австрия				1,3	1,2	1,1	1,6
Аргентина	4,5	4,9		5,4			5,0
Венгрия				2,5	2,7	2,9	3,1
Германия				1,1	1,1	1,0	
Дания			1,2	1,0	1,1	1,2	1,0
Израиль			1,8	1,3	1,3		1,7
Испания	0,9	1,0	1,0	1,2			0,9
Италия	1,6	1,5	1,3	1,6	1,9		2,6
Канада			2,0	2,2		2,1	
Колумбия	33,3						
Мексика		18,6	19,4				
Нидерланды			1,0	0,9	0,9	0,9	
Норвегия			1,5	1,4	1,1	1,3	
Польша			1,7		1,7	2,1	2,9
Россия					9,7	12,6	14,3
США	8,2	8,9	8,5	8,9		9,9	10,4
Финляндия				3,1	2,8	3,2	
Франция			1,2	1,1	1,0	1,1	
Швейцария				1,2	1,2	1,3	1,5
Швеция			1,4	1,2	1,4		1,3
Япония				0,7	0,7	0,6	0,6

	1991	1992	1993	1994	1995	1999–2001
Австралия	2,5	1,6	1,8	1,8		1,9
Австрия		1,5	1,3		1,0	1,2
Аргентина	4,3	4,6	4,4			
Венгрия		4,0	4,5	3,5	3,5	2,3
Германия	1,1	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2
Дания		1,3	1,2	1,3	1,2	1,0
Израиль	1,2	1,4	2,3	2,7	1,4	
Испания	0,9	1,2	0,9	0,9		1,1
Италия	2,8	2,2	1,7			1,5
Канада	2,3	2,1	1,8	1,7	1,6	1,8
Колумбия	89,5	88,5	88,5	78,7		
Мексика	17,5	18,8	17,8	17,7	17,1	
Нидерланды	1,2	1,3	1,2	1,1	1,2	1,5
Норвегия	1,5	1,1	0,9	0,8		0,9
Польша		2,9	2,7	2,9	2,8	2,0
Россия	15,2	22,9	30,6	32,6	30,8	22,0
США	9,8	9,9	9,1	9,1		5,6
Финляндия		3,4	3,3	3,2	2,9	2,8
Франция	1,1	1,0	1,1	1,1		1,7
Швейцария		1,5	1,5	1,3		1,1
Швеция	1,4	1,3	1,3	1,2	0,9	1,1
Япония		0,6	0,6	0,6		1,0

Источники: Ежегодник World Health Statistics. Geneve; *Barclay G., Tavares C.* International comparisons of criminal Justice statistics, 2001 // Home Office, 2003.

Другим традиционным для международного сравнения преступлением служит грабеж, точнее, *robbery*, который в большинстве стран объединяет то, что в России разведено в виде грабежа и разбойного нападения. Если общемировые показатели грабежей характеризуются плавным возрастанием от 40 (на 100 тыс. населения) в 1980 г. до 65 в 2000 г., то региональные различия весьма существенны. Уровень грабежей стран Европейского союза очень близок к среднемировым показателям (возрастание за те же годы от 30 до 70). В Северной Америке основные точки (минимакс): 175 в 1980 г., 149 в 1985 г., 190 в 1991 г., 125 в 1999 г. и 135 в 2000 г. Авторы обзора делают общий вывод относительно стран Восточной Европы, Латинской Америки и Южной Африки: «почти во всех случаях переход к демократии сопро-

вождался ростом как числа убийств, так и имущественных преступлений с применением насилия, таких как ограбление»⁸².

Значительный интерес представляет мировой сравнительный анализ *виктимизации* населения.

Для начала заметим, что по результатам наших исследований 1999–2002 гг. в Санкт-Петербурге доля жертв преступлений среди населения составляла свыше 26 %, в Волгограде в 2000 г. – 18 %, в Боровичах в 2000 г. – 20,5 %⁸³. Сравнительные международные исследования по 17 странам (2000 г.) показали, что удельный вес жертв среди населения свыше 24 % был в Австралии, Англии с Уэльсом, Нидерландах и Швеции, 20–24 % – в Канаде, Шотландии, Дании, Польше, Бельгии, Франции и США, ниже 20 % – в Финляндии, Каталонии (Испания), Швейцарии, Португалии, Японии и Северной Ирландии⁸⁴. Это же исследование позволило выделить страны различной степени риска по отдельным видам преступлений. Так, например, наибольший риск стать жертвой грабежей был в Польше (1,8 %), Англии с Уэльсом и в Австралии (по 1,2 %), наи меньший – в Японии и Северной Ирландии (0,1 %); наибольший риск нападений – в Австралии, Шотландии, Англии с Уэльсом (свыше 6 %), наименьший – в Японии, Португалии (меньше 1 %). Наибольший риск стать жертвой сексуального насилия у женщин Швеции, Финляндии, Австралии и Англии с Уэльсом, наименьший – у женщин Японии, Северной Ирландии, Польши и Португалии.

---

⁸² Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Op. cit. P. 51.

⁸³ Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб., 2002.

⁸⁴ Bondeson U. (Ed.) Crime and Justice in Scandinavia. Copenhagen: Forlaget Thomson A/S, 2005. P. 146.

Как выглядит динамика преступности в России?

Наш анализ преступности основывается, прежде всего, на данных официальной статистики МВД. При этом необходимо учитывать высокую и все возрастающую *латентность* преступности. *Естественная* латентность (преступления, которые не известны органам, их регистрирующим) возрастает, поскольку в населении падает доверие к милиции, и жертвы все реже и реже сообщают о случившемся с ними. Так, по результатам наших ежегодных виктимологических опросов в Санкт-Петербурге (1999–2002), 69–73 % потерпевших от преступлений не сообщают об этом в милицию. Из них 40–42 % потому, что «милиция все равно бы ничего не стала делать». В Волгограде в 2000 г. доля не обратившихся составила 59 %. Аналогичные сведения приводились в материалах Научно-исследовательского института МВД РФ (в Москве свыше 65 % жертв тяжких преступлений не обращаются в милицию). С 1993–1994 гг. очень высока *искусственная* латентность, когда не регистрируется множество преступлений, известных милиции. Массовое противозаконное сокрытие преступлений от регистрации объясняется стремлением искусственно «снизить» показатели преступности и «повысить» раскрываемость преступлений, по которой руководство страны и МВД оценивает деятельность милиции.

О массовом незаконном сокрытии преступлений от регистрации имеется обширная литература⁸⁵. Мы приведем лишь данные о раскрываемости преступлений в России за последние годы. Средний для европейских стран уровень раскрываемости – 40–46 %. Уровень раскрываемости в СССР – свыше 90–95 % (1980 г. – 95,4 %, 1982 г. – 95,9 %, 1984 г. – 90,2 %) был заведомо нереален, «липовый». Впервые правдоподобный показатель 46,9 % достигнут в России в 1992 г., что свидетельствовало об относительно достоверной регистрации преступлений. «Рост» раскрываемости, начавшийся в 1993 г. (50,6 %), до 75,6 % в 2000 г. (в 2002 г. – 60,9 %, в 2003 г. – 55,1 %) мог быть достигнут только за счет *массового сокрытия от регистрации* «глухарей», «неочевидных», заведомо неперспективных для раскрытия преступлений.

Об этом же свидетельствуют данные о динамике зарегистрированных преступлений в 2000–2004 гг. по сравнению с 1999 г.: рост таких тяжких преступлений, как убийства, причинение тяжкого вреда здоровью при «сокращении» краж, хулиганства и других преступлений, которые легче скрыть от регистрации (см. табл. 3). Так же считает и В. В. Лунеев: «Росли учтенные преступления, которые труднее скрыть, а сокращались те, которыми легче манипулировать»⁸⁶. Эта ситуация хорошо известна и руководству МВД РФ. Летом 2001 г. министр заявил о пересмотре критериев оценки работы милиции. Раскрываемость стала снижаться. Но сократилась ли латентность?

Попытка ее измерить была предпринята коллективом московских исследователей⁸⁷. Как и следовало ожидать, коэффициент латентности различен для разных преступлений. Так, в 2002 г. для убийств он составил 1,17; для убийств, совершенных в состоянии аффекта – 1,05; для краж – 4,21, а для принуждения к даче показаний – 70,73; для незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей – 107,06! Однако, с нашей точки зрения, эти коэффициенты минимальны и уровень реальной преступности еще намного

⁸⁵ Гаврилов Б. Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право, 2001. № 1; Гилинский Я. И. Криминология... С. 39–49; Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 127–131; и др.

⁸⁶ Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 15.

⁸⁷ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. (статистический сборник). М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 2004.

выше. Так, по мнению В. В. Лунеева, уровень совершаемых в стране убийств в 4–5 раз выше регистрируемых показателей⁸⁸.

Общая динамика **зарегистрированной преступности** в России за 1961–2004 гг. приводится в табл. 2. На основании этих данных можно сделать ряд выводов.

Во-первых, наблюдается снижение числа и уровня (на 100 тыс. населения) преступлений в периоды хрущевской «оттепели» (1963–1965) и горбачевской «перестройки» (1986–1988). То, что это не случайность, подтверждается позитивной динамикой в те же годы других социальных показателей (снижение уровня самоубийств, смертности, повышение рождаемости и др.).

Во-вторых, тенденция постепенного возрастания числа и уровня преступлений вполне соответствует мировым тенденциям после Второй мировой войны⁸⁹.

В-третьих, наблюдается резкий рост зарегистрированной преступности в 1989–1993 гг. (в 2,3 раза за 5 лет). Это вполне объяснимо для периода бурных социальных, экономических, политических перемен при сохранении глубокого всестороннего кризиса в стране.

В-четвертых, социальный контроль над преступностью, деятельность системы уголовной юстиции «не поспевают» за ростом зарегистрированной преступности. При увеличении числа преступлений с 1970 по 1999 г. в 4,3 раза число выявленных лиц возросло в 2,4 раза, а число осужденных – в 2,2 раза. Если учесть высокую латентность преступности, то разрыв между темпами ее роста и активностью правоохранительных органов окажется значительно больше.

Таблица 2. Зарегистрированная преступность, число выявленных лиц и осужденных в России (1961–2005)⁹⁰

---

⁸⁸ Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьба с ней в России... С. 17.

⁸⁹ Лунеев В. В. Преступность XX века, 1997. С. 14–30; Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. Oxford University Press, 1999; и др.

⁹⁰ С 1961 по 1978 г. – авторские расчетные данные. Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. населения)*	Число выявленных лиц	Число осужденных
1961	534 866	446,5	–	–
1962	539 302	446,1	–	–
1963	485 656	397,7	–	–
1964	483 229	392,2	–	–
1965	483 550	388,7	–	–
1966	582 965	464,5	596 764	–
1967	572 884	452,5	628 463	–
1968	618 014	483,6	626 129	–
1969	641 385	497,6	659 607	–
1970	693 552	533,1	700 685	554 589
1971	702 358	536,6	652 763	574 350
1972	706 294	536,3	698 964	575 056
1973	695 647	524,6	682 399	538 156
1974	760 943	570,4	718 161	579 642
1975	809 819	603,4	753 005	581 035
1976	834 998	618,0	770 473	599 652
1977	824 243	606,5	746 354	525 984
1978	889 599	650,7	782 099	557 564
1979	970 514	705,8	818 746	590 538
1980	1 028 284	742,2	880 908	645 544
1981	1 087 908	779,7	919 001	682 506

1982	1 128 558	803,1	988 946	747 865
1983	1 398 239	988,1	1 077 802	809 147

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. населения)*	Число выявленных лиц	Число осужденных
1984	1 402 694	984,4	1 123 351	863 194
1985	1 416 935	987,5	1 154 496	837 310
1986	1 338 424	929,9	1 128 439	797 286
1987	1 185 914	816,9	969 388	580 074
1988	1 220 861	833,9	834 673	427 039
1989	1 619 181	1098,5	847 577	436 988
1990	1 839 451	1242,5	897 299	537 643
1991	2 173 074	1463,2	956 258	593 823
1992	2 760 652	1856,5	1 148 962	661 392
1993	2 799 614	1887,8	1 262 737	792 410
1994	2 632 708	1778,9	1 441 568	924 754
1995	2 755 669	1862,7	1 595 501	1 035 807
1996	2 625 081	1778,4	1 618 394	1 111 097
1997	2 397 311	1629,3	1 372 161	1 013 431
1998	2 581 940	1759,5	1 481 503	1 071 051
1999	3 001 748	2026,0	1 716 679	1 223 255
2000	2 952 367	2028,2	1 741 439	1 183 631
2001	2 968 255	2045,6	1 644 242	1 244 211
2002	2 526 305	1760,5	1 257 700	859 318
2003	2 756 398	1924,8	1 236 733	767 371
2004	2 893 810	2022,0	1 222 504	
2005	3 554 738	2499,8	1 297 123	

Таблица 3. Динамика некоторых преступлений в России (1985–2005)⁹¹

⁹¹ Уровень на 100 тыс. населения.

Годы	Умышленные убийства (с покушениями)		Тяжкие телесные повреждения		Грабежи	
	абсолютное кол-во	уровень	абсолютное кол-во	уровень	абсолютное кол-во	уровень
1985	12 160	8,5	28 381	19,9	42 794	29,9
1986	9 437	6,6	21 185	14,7	31 441	21,8
1987	9 199	6,3	20 100	13,9	30 441	21,0
1988	10 572	7,2	26 639	18,2	43 822	29,9
1989	13 543	9,2	36 872	25,0	75 220	51,0
1990	15 566	10,5	40 962	27,7	83 306	56,3
1991	16 122	10,9	41 195	27,8	101 956	68,8
1992	23 006	15,5	53 873	36,2	164 895	110,9
1993	29 213	19,6	66 902	45,1	184 410	124,3
1994	32 286	21,8	67 706	45,7	148 546	100,4
1995	31 703	21,4	61 734	41,6	140 597	95,0
1996	29 406	19,9	53 417	36,2	121 356	82,2
1997	28 285	19,9	46 131	31,4	112 051	76,2
1998	29 551	20,1	45 170	30,8	122 366	83,4
1999	31 140	21,3	47 669	32,6	138 973	95,0
2000	31 829	21,9	49 784	34,2	132 243	91,0
2001	33 583	23,1	55 739	38,4	148 814	102,5
2002	32 285	22,5	58 469	40,7	167 267	116,5
2003	31 630	22,1	57 087	39,9	198 036	138,3
2004	31 553	22,1	57 352	40,1	251 433	175,7
2005	30 849	21,7	57 863	40,7	344 440	242,2

Годы	Разбойные нападения		Кражи	
	абсолютное кол-во	уровень	абсолютное кол-во	уровень
1985	8 264	5,8	464 141	324,7
1986	6 018	4,2	380 582	264,4
1987	5 656	3,9	364 510	251,1
1988	8 118	5,5	478 913	327,2
1989	14 551	9,9	754 824	512,1
1990	16 514	11,2	913 076	616,8
1991	18 311	12,4	1 240 636	237,3
1992	30 407	20,4	1 650 852	1110,2
1993	40 180	27,0	1 579 600	1065,2
1994	37 904	25,6	1 314 788	888,4
1995	37 651	25,5	1 367 866	924,6
1996	34 584	23,4	1 207 478	818,0
1997	34 318	23,3	969 800	716,3
1998	38 513	26,2	1 143 364	779,2
1999	41 138	28,1	1 413 810	966,2
2000	39 437	27,1	1 310 079	900,0
2001	44 806	30,9	1 273 198	879,2
2002	47 052	32,8	926 815	645,8
2003	48 673	33,9	1 150 772	803,6
2004	55 448	38,7	1 276 880	892,3
2005	63 671	44,8	1 572 996	1106,2

В-пятых, отмечается снижение показателей зарегистрированной преступности в 1994–1997 гг. Это может быть объяснено как реальной стабилизацией ситуации, достижением «порога насыщения» в предшествующие годы (1989–1993), так и политикой руководства страны и Министерства внутренних дел (МВД) по массовому сокрытию преступлений от регистрации.

В-шестых, «стабилизация», по-видимому, закончилась, и мы наблюдаем дальнейшее возрастание преступности в 1998–2005 гг. Уровень общей преступности вырос с 1759,5 в 1998 г. до 2499,8 в 2005 г., увеличение числа наиболее опасных преступлений (убийства с покушениями – с 29 551 в 1998 г. до 33 583 в 2001 г., причинение тяжкого вреда здоровью

с 45 170 до 57 863, разбойных нападений с 39 437 в 2000 г. до 63 671 в 2005 г.) при «сокращении» высоко латентных (кражи, вымогательство, хулиганство и т. п.). Уровень преступности в 2002–2005 гг. продолжает оставаться высоким.

Поскольку данные обо всей зарегистрированной преступности всегда страдают существенной неполнотой и зависят как от активности милиции, так и от законодательных новелл (криминализация новых составов, декриминализация старых), обратимся к сведениям о **наиболее опасных или же распространенных преступлениях** (табл. 3).

Во-первых, наблюдается интенсивный рост тяжких преступлений в 1989–1994 гг. Так, по сравнению с 1987 г., уровень убийств (с покушениями) к 1994 г. вырос в 3,5 раза, уровень причинения тяжкого вреда здоровью в 3,3 раза (при росте всей преступности за те же годы в 2,2 раза). Уровень грабежей за 1987–1993 гг. вырос в 5,9 раза, разбойных нападений – в 6,9 раза.

Во-вторых, сам уровень (на 100 тыс. населения) убийств (около 20 в 1993, 1996, 1997 гг. и свыше 20 в 1994–1995, 1998–2005 гг.) очень высок, особенно по сравнению с другими государствами (см. табл. 1). При этом данные милицейской статистики (табл. 3) далеко не полны. По данным медицинской статистики⁹², уровень смертей от убийств составил: в 1992 г. – 22,9 (по милицейской статистике, уровень убийств – 15,5), в 1993 г. – 30,4 (по милицейской статистике – 19,6), в 1994 г. – 32,3 (вместо 21,8), в 2002 г. – 30,8 (вместо 22,5), в 2003 г. – 29,5 (вместо 22,1). К 1994 г. Россия выходит на одно из первых мест в мире по уровню смертей от убийств среди стран, представляющих сведения о причинах смертности в ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения – *World Health Organization*). При этом не учитывается количество убитых среди «пропавших без вести» и не обнаруженных, а эта цифра составляла с середины 90-х гг. свыше 25 тыс. ежегодно (в 2003 г. – 42 643).

Согласно официальным данным, в России резко возрастает наркотизация населения и, соответственно, число **преступлений, связанных с наркотиками** (табл. 4). Рост наркотизма действительно имеет место. Официальные сведения, конечно же, неполны. Так, например, если сравнить статистику потребителей наркотиков и наркозависимых в Санкт-Петербурге с результатами наших исследований, то реальное количество потребителей и наркоманов в сто раз выше, чем по официальной статистике⁹³. Аналогичные результаты получены московскими исследователями⁹⁴. Регистрируются также далеко не все преступления, связанные с наркотиками. При этом наблюдается одна особенность: милиция выявляет и регистрирует большое количество преступлений, связанных с наркотиками, совершаемых наркоманами, больными людьми, «поймать» которых не представляет больших трудностей. Вместе с тем *ни один* крупный «наркоделец» («наркобарон») не был выявлен милицией.

С 2002 г. сокращается количество и уровень зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками, но отражает ли это реальную динамику преступлений или активность милиции («отягощенную» деятельностью Госнарконконтроля)?

Структура наркопреступности по составам преступлений в 2003 г. была следующей. На первом месте по своему удельному весу (96,1 %) находилось изготовление, приобретение, хранение и пересылка нелегальных препаратов, далее следовали незаконные посевы мака, конопли или иных растений (1,3 %), организация или содержание притонов

⁹² World Health Statistics. Geneva: World Health Organization, 1997; Российский статистический ежегодник. М.: Госкомиздат, 1995.

⁹³ Gilinskiy Y., Zazulin G. Drugs in Russia: Situation, Policy and the Police // Police Practice and Research. An International Journal. 2001 Vol. 2 (4). P. 345–364; Gilinskiy Y., Zobnev V. The Drug Treatment System in Russia: Past and Present, Problems and Prospects // Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications. 1997. P. 118–119.

⁹⁴ Позднякова М. Е Социологический анализ наркомании. М.: ИС РАН, 1992.

для потребления наркотиков (0,2 %), склонение к потреблению наркотических или психотропных веществ – 0,1 %.

Таблица 4. Зарегистрированные преступления, связанные с наркотиками в России (1987–2005 гг.)

Годы	Количество	Уровень (на 100 000 населения)
1987	18 534	12,7
1988	12 533	8,6
1989	13 446	9,1
1990	16 255	10,9
1991	19 321	13,0
1993	53 152	35,8
1995	79 819	54,0
1996	96 645	65,5
1997	185 832	126,3
2000	243 572	167,3
2001	241 598	186,0
2002	189 576	132,1
2003	181 688	126,9
2004	150 096	105,1
2005	175 241	123,2

Источник: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Необходимо подчеркнуть, что из наиболее распространенных преступлений – изготовление, приобретение, хранение и пересылка наркотических средств или психотропных веществ 70–75,0 %, т. е. подавляющее большинство, совершается, по данным судебной статистики за 1999–2003 гг., без цели сбыта, т. е. потребителями наркотиков.

Наркопреступность демонстрирует выраженную территориальную вариацию. В 2003 г. при среднероссийском уровне рассматриваемых преступлений – 127,0, максимальный уровень был зарегистрирован в Еврейской автономной области (436,3), Приморском крае (298,9), Республике Тыва (280,7). Высокие показатели (свыше 200) зафиксированы также в Хабаровском крае, Томской и Тюменской областях. Минимальные показатели – в Чукотском АО (34,6, а в 1997 г. – 1,1), Тульской (32,8), Кировской (37,2), Ивановской (39,0), Костромской (39,2), Пензенской (39,9) областях, Ингушетии (38,7). Низкие показатели (менее 50) – в Мордовии, Республике Саха, Владимирской, Вологодской, Ивановской, Курской, Ленинградской, Липецкой, Нижегородской, Псковской, Тверской, Ярославской областях. При этом нелишне напомнить, что зарегистрированные показатели отражают не только (и, может быть, не столько) реальную ситуацию, но и активность правоохранительных органов.

Подавляющую массу осужденных за преступления, связанные с наркотиками, составляют подростки и молодежь, очень высока доля лиц, не имеющих постоянного источника дохода (до 70 %), существует устойчивая тенденция нарастания доли женщин.

Значительное место в российской наркопреступности занимают организованные преступные группы и сообщества, из которых наибольшую опасность на сегодняшний день

представляют сформированные по этническому признаку. Они имеют обширные межрегиональные и международные связи, зачастую основанные на отношениях родства, замкнуты, используют различные языковые наречия и диалекты, что приводит к повышенным трудностям их раскрытия. Цыганские группировки действуют преимущественно в Приволжском и Центральном федеральных округах, таджикские и азербайджанские группировки наиболее активны в крупнейших городах России – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и в Приволжском регионе, а чеченские – в Алтайском крае, Оренбургской и Волгоградской областях.

Сведения о некоторых социально-демографических характеристиках выявленных лиц, совершивших преступления, приводятся в табл. 5.

Наибольший интерес представляет постоянный и значительный рост удельного веса лиц, не имеющих постоянного источника доходов (с 11,8 % в 1987 г. до 55,6 % в 1999 г., т. е. в 4,7 раза за 12 лет), и безработных (с 2,9 % в 1993 г. до 9,8 % в 1999 г., т. е. в 3,4 раза за 6 лет). Это еще раз свидетельствует о возрастании роли «исключенных» (*excluded*) как социальной базы преступности. Это же может служить подтверждением *селективного подхода* милиции и уголовной юстиции к правонарушителям (по известному принципу: «того, кто украл буханку хлеба, сажают в тюрьму, укравшего железную дорогу избирают в сенат»).

Таблица 5. Социально-демографический состав выявленных лиц, совершивших преступления в 1987–2003 гг. в России (в %)⁹⁵

---

⁹⁵ С 1993 г. – наркотического и токсического возбуждения.

Годы		1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Всего (абс. кол-во)		969 388	834 673	847 577	897 299	956 258	1 148 962	1 262 737	1 441 568	1 595 501
В том числе	Мужчины	78,7	83,3	85,6	86,3	87,2	88,6	88,8	87,0	85,1
	Женщины	11,2	13,0	14,4	13,7	12,8	11,4	11,2	13,0	14,9
	14–17 лет	12,1	15,6	17,7	17,1	16,7	16,4	16,1	13,9	13,0
	18–29 лет	38,5	40,3	40,2	39,2	38,3	38,1	38,9	37,9	37,3
	Рабочие	53,5	55,1	54,1	53,7	52,3	47,5	31,6	30,1	31,3
	Служащие	12,9	10,5	8,4	7,5	6,5	5,3	4,2	4,1	3,7
	Работники сельск. хозяйства	5,2	4,9	4,8	4,8	5,0	4,8	4,4	3,0	1,5
	Учащиеся	10,0	11,2	11,4	10,4	9,7	7,2	6,9	5,8	5,7
	Студенты	–	–	–	–	–	1,1	1,0	0,9	0,8
	Предприниматели	–	–	–	–	–	–	2,5	1,9	1,9
	Без постоянного источника дохода	11,8	13,8	16,5	17,8	20,2	27,0	35,9	42,1	47,2
	Безработные	–	–	–	–	–	–	2,9	3,5	4,6
	Ранее совершав- шие преступле- ния	21,3	23,9	25,3	24,2	23,7	22,6	22,7	20,9	22,0
	В состоянии алкогольного опьянения	28,1	33,0	37,2	38,0	37,9	39,1	41,4	41,2	39,0
	В состоянии наркот. возбуж- дения*	0,30	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,7	0,5	0,4

Годы		1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Всего (абс. кол-во)		1 618 394	1 372 161	1 481 503	1 716 679	1 741 439	1 644 242	1 257 700	1 236 733
В т о м ч и с л е	Мужчины	84,1	86,4	85,3	84,8	83,7	83,0	82,2	83,4
	Женщины	15,9	13,6	14,7	15,2	16,3	17,0	17,8	16,6
	14–17 лет	11,9	11,8	11,1	10,7	10,2	10,5	11,2	11,8
	18–29 лет	37,8	41,1	42,1	43,3	43,3	43,4	43,5	45,2
	Рабочие	29,8	26,7	25,8	25,1	25,9	25,9	26,6	26,0
	Служащие	3,5	3,4	3,8	3,4	3,7	3,7	5,2	4,6
	Работники сельск. хозяйства	1,2	2,7	2,2	1,9	1,8	1,5	1,1	1,0
	Учащиеся	5,6	6,0	6,0	6,1	5,8	5,7	6,2	6,6
	Студенты	0,8	1,0	1,0	1,2	1,1	1,2	1,4	1,6
	Предприниматели	2,3	1,7	1,7	1,7	1,8	1,7	1,6	1,3
	Без постоянного источника дохода	50,0	54,2	55,6	55,6	54,8	55,1	52,4	53,7
	Безработные	4,7	5,9	5,7	5,5	5,3	5,4	5,0	5,3
	Ранее совер- шавшие пре- ступления	22,7	28,9	27,9	27,0	25,4	26,1	24,4	24,4
	В состоянии алкогольного опьянения	36,4	33,8	29,8	25,8	23,1	22,6	24,2	24,0
В состоянии наркот. возбуж- дения*	0,4	0,8	0,8	0,9	0,9	0,8	0,6	0,6	

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Другой не менее значимый контингент – несовершеннолетние. В 1987 г. (мы принимаем этот год за базисный, поскольку он характеризуется минимальными показателями – сказалась эйфория горбачевской перестройки) уровень преступности несовершеннолетних в расчете на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет составил 1510,0⁹⁶. В результате последующего ежегодного прироста уровня преступности несовершеннолетних в 1993 г. он достиг 2636,6, т. е. за 6 лет увеличился в 1,7 раза. При этом уровень общей преступности за те же годы вырос в 2,3 раза, т. е. преступность несовершеннолетних возрастала меньшими тем-

⁹⁶ Здесь и далее, если не оговорено иное, в качестве источника информации используются ежегодники «Преступность и правонарушения», а за 2002–2005 гг. ежегодники «Состояние преступности в России».

пами, чем преступность в целом. Это необходимо учитывать для наших дальнейших выводов.

Начиная с 1994 г. (уровень 2563,1) происходит ежегодное снижение уровня преступности несовершеннолетних до 1416,0 в 2002 г. Данные 2003–2005 гг. свидетельствуют о весьма незначительном росте уровня преступности несовершеннолетних.

Об относительном «благополучии» с подростковой преступностью, по сравнению со взрослой, свидетельствует и динамика удельного веса (доли) преступности несовершеннолетних в общем ее объеме. Если в 1987 г. доля преступности несовершеннолетних в общей преступности составляла 19,9 %, то к 2000 г. она снизилась до 8,9 % (т. е. более чем в 2,2 раза) с небольшим возрастанием до 9,0 % в 2001 г., 9,1 % в 2002 г. и 9,6 % в 2003 г.

Наконец, о том же говорит и абсолютное число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием: 1987 г. – 116 149 преступлений, 1993 г. – 225 740 преступлений, 2002 г. – 139 681 преступление и в 2003 г. – 145 368 преступлений.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что *официальная* статистика не дает оснований для популистских истерических высказываний о «небывалом росте преступности несовершеннолетних». Что же касается *реальной* преступности – как взрослой, так и подростковой, то сведения о ней просто отсутствуют.

Чем объясняется такая «непривычная» тенденция преступности несовершеннолетних? Есть, с нашей точки зрения, несколько возможных объяснений. Во-первых, «демографический» фактор. Доля несовершеннолетних и молодежи в населении относительно снижалась за анализируемый период времени. Во-вторых, «социально-экономический» фактор. Возможно, что подростки и молодежь быстрее и лучше адаптируются в быстро меняющемся мире, нежели взрослые. Другое дело, каковы пути этой адаптации: быстрое трудоустройство, занятие мелким частным бизнесом, уход в наркотики, в ряды организованной преступности (чья деятельность значительно более латентна нежели «уличная преступность»)? В-третьих, «правоприменительные» факторы. Возможно, если преступления заведомо (по показаниям свидетелей, потерпевших) совершены подростками, правоохранительные органы менее склонны к регистрации и раскрытию таких преступлений. Вероятнее всего, действуют все эти факторы вместе и какие-то еще, не названные нами.

Но картина усложняется, когда мы переходим от общих показателей преступности несовершеннолетних к отдельным ее видам (табл. 6).

Бесспорно, наблюдается относительный *рост наиболее тяжких насильственных* преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, если в 1987 г. удельный вес (доля) подростков 14–17 лет в общей массе убийств (с покушениями) составлял 2,9 %, то, постепенно нарастая с каждым годом (1988 г. – 3,3 %, 1994 г. – 5,4 %, 2000 г. – 6,3 %), этот показатель в 2003 г. достиг 7,9 % (рост в 2,7 раза). Удельный вес несовершеннолетних среди лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, вырос с 3,3 % в 1987 г. до 8,4 % в 2001 г. Абсолютное число несовершеннолетних, выявленных в совершении убийств, в 1987 г. – 246, в 1991 г. – 550, в 1997 г. – 1350, в 2001 г. – 2126... *Очевидно, что тенденция значительного роста тяжких насильственных преступлений, совершаемых подростками, чрезвычайно тревожна. Это лишь одна, но очень значимая составляющая тотальной эскалации насилия в стране.*

Таблица 6. Доля несовершеннолетних, совершивших различные преступления в России, в общем количестве расследуемых преступлений (1987–2003)⁹⁷

⁹⁷ * До 1989 г. – только личного имущества граждан. ** С 1995 г. не учитывается в связи с незначительным удельным весом.

Годы	Умышленные убийства с покушениями	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	Изнасилование (с покушениями)	Разбой	Грабёж	Кража *	** Взятничество	Преступления, связанные с наркотиками
1987	2,9	3,3	32,6	20,5	34,4	36,9	0,3	9,6
1988	3,4	3,4	33,9	22,6	40,6	40,5	0,4	8,8
1989	4,3	4,0	31,7	21,6	38,7	42,2	0,1	9,8
1990	4,1	3,9	30,0	20,1	35,1	35,7	0,0	9,9
1991	4,1	3,8	25,4	19,4	33,6	30,9	0,2	9,3
1992	4,0	3,8	23,7	20,0	32,2	26,8	0,2	8,7
1993	4,8	4,8	22,5	21,7	31,4	24,0	0,3	8,0
1994	5,4	5,4	22,4	21,0	29,8	21,0	0,1	7,1
1995	5,9	5,4	20,8	19,7	28,2	19,5	–	7,3
1996	5,6	5,7	20,1	18,3	26,7	18,5	–	7,6
1997	5,7	5,7	16,0	16,5	24,3	18,1	–	8,6
1998	5,2	5,7	15,1	15,3	23,6	17,4	–	7,2
1999	5,5	6,1	14,2	14,7	21,9	16,2	–	5,7
2000	6,3	6,9	15,1	16,5	21,7	16,2	–	5,0
2001	7,5	8,4	16,6	17,2	21,2	17,4	–	4,2
2003	7,9	9,7	16,5	18,5	24,0	20,7	–	4,6

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Таблица 7. Характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления в России (1991–2003)⁹⁸

⁹⁸ Доля служащих ниже 0,1–0,2 % ежегодно.

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Всего (абс. количество)	159 461	188 186	203 826	200 954	208 096	192 199	161 978
В том числе (%):							
— мужчины	92,7	93,1	92,8	91,9	91,4	91,0	92,0
— женщины	7,3	6,9	7,2	8,1	8,6	9,0	8,0
— 14–15 лет	32,8	31,5	32,8	32,4	33,2	32,6	28,3
— 16–17 лет	67,2	68,5	67,2	67,6	66,8	67,4	71,7
— рабочие	23,9	20,0	13,3	11,8	10,8	8,8	6,9
— работн. сельск. хоз-ва	2,1	1,9	1,6	1,1	0,5	0,4	0,8
— учащиеся	46,5	43,5	39,9	30,6	42,0	44,7	46,3
— студенты	2,9	2,6	2,1	2,3	2,2	-	2,5
— лица без постоянного источника доходов	23,0	30,0	29,4	33,3	40,4	41,1	41,1
— безработные	–	–	2,0	2,3	2,9	2,7	3,2
— совершившие преступления в группе	68,4	68,0	64,9	65,0	62,0	60,9	64,0
— в состоянии алкогольного опьянения	17,1	17,6	25,9	28,4	27,8	26,2	23,3
— в состоянии наркотического опьянения	0,2	0,3	0,5	0,4	0,4	0,6	0,8

Годы	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Всего (абс. количество)	164 787	183 447	177 851	172 811	140 392	145 599
В том числе (%):						
— мужчины	92,2	91,8	91,4	91,8	92,1	92,3
— женщины	7,8	8,2	8,6	8,2	7,9	7,7
— 14–15 лет	28,4	27,9	27,7	30,0	28,6	29,7
— 16–17 лет	71,6	72,1	72,3	70,0	71,4	70,3
— рабочие	5,5	4,5	5,0	5,3	5,2	4,7
— работн. сельск. хоз-ва	0,6	0,4	0,5	0,4	0,3	0,3
— учащиеся	48,6	48,1	47,1	46,0	45,9	46,9
— студенты	2,7	3,0	3,0	3,1	3,5	4,0
— лица без постоянного источника доходов	42,9	43,3	32,4	33,3	33,5	32,7
— безработные	3,2	2,1	2,3	2,5	2,4	2,4
— совершившие преступления в группе	64,3	65,8	64,2	63,5	60,9	58,5
— в состоянии алкогольного опьянения	19,6	16,9	16,9	18,0	21,5	20,1
— в состоянии наркотического опьянения	0,8	0,6	0,5	0,4	0,3	0,3

Что же касается преступлений, характеризующихся более высокой латентностью (неучтенностью) – изнасилования, грабежи, кражи, преступления, связанные с наркотиками, то фиксируется постоянное снижение удельного веса несовершеннолетних в общей массе этих преступлений. Например, доля несовершеннолетних среди лиц, совершивших изнасилование, в 1987 г. составляла 32,6 %, в 1999 г. – 14,2 % (в 2001 г. – 16,6 %). По грабежам доля подростков снизилась с 40,6 % в 1988 г. до 21,2 % в 2001 г. (24,0 % в 2003 г.).

Обратимся к характеристике состава несовершеннолетних, совершивших преступления (табл. 7). Доля девушек довольно стабильна и колеблется от 6,9 % в 1992 г. до 9,0 % в 1996 г. Существенно преобладают, что вполне понятно, 16–17-летние (по сравнению с 14–15-летними). Их доля превышает 67 % с тенденцией к увеличению (свыше 70 %, начиная

с 1997 г.). Так же как в преступности в целом, постоянно сокращается доля рабочих (с 23,9 % в 1991 г. до 4–5 % в конце 90-х – начале 2000-х годов), сельскохозяйственных работников (за те же годы с 2,1 % до 0,4–0,5 %). Относительно стабилен удельный вес учащихся (30–48 % без заметной тенденции). Доля подростков без постоянного источника дохода возрас- тала с 23,0 % в 1991 г. до 43,3 % в 1999 г. с последующим сокращением до 32–33 % в начале наступившего столетия. Неизменно высок и относительно постоянен удельный вес груп- повой преступности несовершеннолетних: 61–66 %. В состоянии алкогольного опьянения совершается 17–28 % преступлений подростков, в состоянии наркотического опьянения – от 0,2 % в 1991 г. до 0,8 % в 1997–1998 гг. с последующим сокращением до 0,4 % в 2001 г. Вот еще один из мифов: «наркотики – главная причина преступности!».

Глава 4

Организованная преступность

Наиболее ярко процессы глобализации девиантных проявлений видны на примере организованной преступности и терроризма.

Тема преступности издавна полна мифов, которые все чаще используются политиками – в популистских целях, журналистами – в погоне за сенсацией, рождая «страх перед преступностью», «моральную панику»⁹⁹. В еще большей степени мифологизирована *организованная преступность* – относительно позднее явление в жизни общества. Что касается бывшего СССР и России, то еще в 1986 г. шла дискуссия: а есть ли организованная преступность в СССР? Поэтому кратко остановимся на некоторых исходных понятиях.

---

⁹⁹ Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans: Paladin, 1973.

Организованная преступность как социальный феномен

Организованная преступность – сложный социальный феномен. Возникнув, она так переплелась с другими социальными институтами и процессами, так прочно вросла в общественную ткань, что с трудом может быть из нее «вырвана» для изучения. Вызывает сомнения корректность самого понятия «организованная преступность», ибо, во-первых, *преступность* вообще не имеет дескрипта («субстрата») в реальной действительности, а является релятивным, конвенциональным социальным *конструктом*. Во-вторых, «*организованность*» – неотъемлемое свойство всех биологических и социальных систем (объектов), а потому «неорганизованной преступности» вообще не существует. В-третьих, «в современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушением уголовного закона, понятие “организованная преступность” оказывается синонимом понятий “общество”, “государство”, “социальная действительность”, “социальное явление”»¹⁰⁰. Соглашаясь с этим, мы не призываем к немедленному отказу от распространенного термина: существуют научные традиции, накоплен большой эмпирический материал. Другое дело, что тема нуждается в демифологизации и корректном, не политизированном изучении и освещении.

Существует множество определений организованной преступности. Некоторые из них лаконичны, но тавтологичны и малосодержательны («*organized crime is crime that is organized*»¹⁰¹). Другие излишне громоздки, авторы пытаются перечислить все возможные признаки организованной преступности¹⁰².

В качестве рабочего можно принять определение, предложенное на Международной конференции в Суздале (1991): «*Функционирование устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции*». Организованная преступность – не сумма преступных организаций и совершаемых ими преступлений. Это качественно новая характеристика такого состояния преступности, когда она встроена в социальную систему, оказывая существенное влияние на ее другие составляющие (элементы) и прежде всего – на экономику и политику.

Организованная преступность выступает как *предпринимательство*, бизнес, индустрия, производство и распределение товаров и/или услуг (организованная преступность как незаконное предпринимательство).

Главной *целью* организованной преступности как любого бизнеса является экономическая выгода, прибыль. Различия (весьма относительные) начинаются с *методов* деятельности. Преступные организации добиваются высокой прибыли любыми методами, включая криминальные. Но и вполне уважаемый бизнес не избегает полулегальных, а то и преступных действий для достижения выгоды... За глобализацией экономики тянется хвост ее криминализации.

Криминальный бизнес возникает, существует и развивается при наличии ряда условий:

- спрос на нелегальные товары (наркотики, оружие и т. п.) и услуги (сексуальные и др.);
- неудовлетворенный спрос на легальные товары и услуги (например, «дефицит», присущий так называемой социалистической экономике);

¹⁰⁰ Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигм // Преступность и криминология на рубеже веков. Материалы XII Международного Балтийского криминологического семинара. СПб ФИС РАН, 1999. С. 46.

¹⁰¹ «Организованная преступность есть преступность, которая организована».

¹⁰² Абадинский Г. Организованная преступность. СПбГУ, 2002.

- рынок труда, безработица, незанятость подростков и молодежи;
- пороки налоговой, таможенной, вообще экономической политики государства, а также коррупция, препятствующие нормальному развитию легальной экономики.

Пока есть спрос, будут предложения. Как пишет Л. Тимофеев, «запретить рынок – не значит уничтожить его. Запретить рынок – значит отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций»¹⁰³.

Формирование и развитие организованной преступности – закономерный общемировой процесс, частный случай повышения уровня организованности всех социальных подсистем: экономики, политики, управления, коммуникаций и др.

Организованная преступность институционализируется в различное время в разных странах. Основные признаки организованной преступности как социального *института*: *длительность* существования; *регулярность* (постоянство) функционирования; выполнение определенных социальных *функций* (удовлетворение спроса на нелегальные или дефицитные товары и услуги, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.); наличие комплекса *норм* (правил поведения), «профессионального» *языка* (сленг), вполне определенных *ролей*. Институционализация (процесс, в ходе которого социальные практики становятся регулярными, долговременными и «обрастают» всеми признаками института) организованной преступности происходит постепенно. Этот процесс начался в России (СССР) с конца 50-х – начала 60-х гг. прошедшего столетия и завершился в конце 70-х – начале 80-х гг.

Организованная преступность является способом частного предпринимательства (бизнеса). Исходя из этого, процесс глобализации и, как встречный процесс – локализация (в крайней форме – антиглобализм) не может не затронуть этот социальный институт.

---

¹⁰³ Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М.: РГГУ, 1998. С. 107.

Преступная организация

Уголовно-правовое понятие преступной организации содержится в п. 4–5 ст. 35 УК РФ и, с нашей точки зрения, не очень удачно. Криминологических определений – более содержательных – имеется много. Выскажем нашу позицию. Первое ограничение – мы не будем рассматривать преступные организации *политической* направленности (от руководящего состава национал-социалистической партии Германии, гестапо, СД, СС и руководящего состава ВКП (б), КПСС, ЧК, НКВД, КГБ до «Красных бригад», неонацистских и иных террористических, экстремистских организаций). Второе ограничение – нами не рассматриваются *легальные* организации, использующие в своей деятельности преступные методы (подкуп, хищения, мошенничество и т. п.). Это поле деятельности «беловоротничковой преступности» (*white-collar crime*).

Предметом дальнейшего рассмотрения являются *нелегальные* организации, создаваемые для извлечения прибыли в результате производства и распределения нелегальных товаров и услуг, т. е.

«*организации преступного предпринимательства*». Они относятся к социальным организациям типа «*трудовой коллектив*»¹⁰⁴.

Преступные организации высоко адаптивны и конкурентоспособны в силу жестких требований к «подбору кадров» и «трудовой дисциплине», рекрутирования наиболее молодых, сильных, волевых «сотрудников», благодаря «свободе» от налогового бремени (правда, надо платить дань «правоохранителям» за безопасность) и от общепринятых моральных требований. Имеются различные типы преступных организаций¹⁰⁵. В отечественной и зарубежной литературе перечисляется множество их признаков.

С нашей точки зрения, к числу наиболее существенных признаков организации преступного предпринимательства относятся:

- *устойчивое* объединение людей, рассчитанное на *длительную* деятельность;
- цель: извлечение максимальной *прибыли* (сверхприбыли);
- содержание деятельности: *производство и распределение* товаров и/или услуг;
- характер деятельности: сочетание *нелегальных* (преступных) и *легальных* видов и методов деятельности;
- структура организации: сложная *иерархическая*, с разграничением функций и ролей;
- основное средство безопасности: *корруптирование* органов власти и управления, полиции, уголовной юстиции;
- стремление к *монополизации* в определенной сфере деятельности или на определенной территории ради достижения главной цели.

Все эти признаки в большей или меньшей степени присущи всем (или почти всем) социальным организациям типа трудового коллектива. Лишь преступный характер деятельности и корруппирование для легальных трудовых коллективов являются необязательными (но возможными) признаками.

¹⁰⁴ Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб.: СПб ФИС РАН, 1996.

¹⁰⁵ Абадинский Г. Организованная преступность; Hagan J. Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior. Nelson-Hall, 1986. P. 321–322.

Глобализация организованной преступности

Ясно, что экономическая целесообразность и криминальная настойчивость предрешили динамичную глобализацию организованной преступности. Международные связи криминальных структур известны давно. Нелегальный экспорт-импорт наркотиков, оружия, алкоголя, проституток, международный характер «отмывания» денег, нажитых преступным путем, стали общим местом и никого уже не удивляют¹⁰⁶. Приведем лишь некоторые направления интернационализации организованной преступности, снабдив их своеобразным «комментарием»: выдержками из интервью Я. Костюковского с представителями петербургского криминалитета.

Нелегальный экспорт цветных металлов из России в страны Западной Европы (в основном через республики Балтийского региона).

«И. (интервьюер Я. Костюковский): Какие виды криминального бизнеса наиболее популярны?

Р. (респондент, член криминальной группировки): В течение 1994 г. половина всего металла из России экспортировалось нелегально. Это был хороший бизнес! Люди за два-три месяца зарабатывали так, что до сих пор хватает. Правда, это была работа по 25 часов в сутки... Но игра стоила свеч. Разница цен здесь и в Эстонии была безумная».

Появились сведения о нелегальном экспорте из России *радиоактивных материалов*¹⁰⁷.

Активно функционирует рынок «живого товара» – *незаконная миграция, экспорт проституток*.

«И.: А как дела с проституцией?

Р.: Проституция в Санкт-Петербурге обычная индустрия. Существует не со вчерашнего дня. Имеются сотни «контор».

И.: Что ты можешь сказать о «бизнес-поездках»?

Р.: Да, существуют. Более того, девочки не всегда проститутки. Это могут быть приглашения для работы в стриптизе или вообще в сфере слуг. Но они экспортируются, например, в Турцию и их насильно заставляют заниматься проституцией. Это их счастье, если удастся бежать. Но обычно конец очень плохой...»

Российские проститутки экспортируются в страны Западной Европы, в США, Канаду, страны Латинской Америки, а также в Китай.

Контрабанда предметов старины и искусства. Количество таких предметов, изъятых при попытке вывоза, выросло с 3500 в 1992 г. до 10 000 в 1999 г. При этом, по мнению таможенной службы, задерживается не более 5–10 % реально вывозимых ценностей¹⁰⁸.

Одним из наиболее прибыльных видов криминального бизнеса (второе место после торговли наркотиками) является *продажа оружия* за рубеж. Однако сведения о торговле оружием очень скудные, поскольку связаны с преступной деятельностью высоких чинов военного ведомства – федерального и региональных. Купить можно все. Вопрос только – по какой цене¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Основы борьбы с организованной преступностью / Ред. В. С. Овчинский, В. Е. Эминов, Н. П. Яблоков. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 18–51; *Репецкая А. Л.* Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001; *Bäckman J.* The Inflation of Crime in Russia: The Social Danger of the Emerging Markets. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1998; *Roth J.* Die Roten Bosse. Russlands Tycoone übernehmer die Macht in Europe. München: Piper-Verlag, 1998.

¹⁰⁷ Основы борьбы с организованной преступностью, 1996. С. 44–45.

¹⁰⁸ Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Ред. А. Гуров. М.: ВНИИ МВД РФ, 2000. С. 41.

¹⁰⁹ Там же. С. 34–36; Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Ред. А. Долгова. М.: Криминологическая

«Р.: Мы занимаемся мелочью по сравнению с тем, что делается в армии, в оборонке – вот там да, там целая экономика. Сейчас говорят, вот, в армии все воруют. А по-моему, там все намного сложнее. Просто выгоднее прикинуться простыми воришками, а на самом деле там же миллионы баксов крутятся».

Кража и перепродажа автомобилей (международный автобизнес).

«И.: А ты с иностранцами контактируешь?

Р.: Да, конечно. У нас есть бизнес по машинам. Обмен.

И.: То есть?

Р.: Естественно. Здесь в Питере угоняется машина и идет в Голландию, а из Голландии так же сюда... Вообще это целая система в Германии, Польше, Франции, Венгрии, Голландии и России. Так что в этом смысле с организованной преступностью все хорошо – международный контакт есть».

Активно действует международная система производства и торговли *фальсифицированными продуктами* и прежде всего – алкогольными изделиями. Так, в Россию поступает алкогольный фальсификат из Польши, Нидерландов и других стран.

До 95 % *фальшивой* (поддельной) иностранной *валюты* поступает в Россию из зарубежных государств¹¹⁰.

Но, конечно, самый широкий размах приобрел международный *наркобизнес*. Эксперты ООН оценивают ежегодный международный оборот наркотиков в 400 млрд долл. США, что составляет около 8 % всей мировой торговли. В Россию идут потоки героина из Афганистана, Пакистана, Северной Кореи, производные каннабиса – из стран Средней Азии и с Украины, кокаин из Латинской Америки, «колеса» (медикаментозные средства) из стран Западной Европы, эфедрин и его производные («лед») – из Китая. В свою очередь Россия реэкспортирует героин и каннабис в Западную Европу¹¹¹.

К сказанному следует добавить глобализацию криминализованной «легальной» экономики (типа *Trans World Group* – TWG, контролирующей алюминиевую и добывающую глинозем промышленность Сибири¹¹²).

Доходы транснациональной организованной преступности «отмываются» путем инвестиций в легальную экономику, в офшорных зонах, через контролируемые банки. По мнению экспертов Вашингтонского национального Стратегического информационного комитета, общие доходы международной организованной преступности приближаются к триллиону долларов, т. е. сопоставимы с годовым бюджетом США.

ассоциация, 1999. С. 86–91.

¹¹⁰ Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Ред. А. Гуков. М.: ВНИИ МВД РФ, 2000. С. 28.

¹¹¹ *Рогатых Л. Ф., Стрельченко Э. Г., Топоров С. Б.* Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. СПб.: Специальная литература, 2003; *Романова Л. В.* Наркотики: Преступления, ответственность. Владивосток, 2000. С. 43–79.

¹¹² *Репецкая А. Л.* Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001.

И еще об интернационализации преступности

Глобализация преступности осуществляется не только в форме организованной ее части. Резко усилившиеся миграционные потоки наряду с позитивными результатами (интернационализация науки, искусства, культуры) несут с собой и негативные последствия. Мигранты, независимо от этнической принадлежности их и «коренного» населения, на первых порах всегда хуже адаптированы к условиям жизни принимающей страны: языковые барьеры, профессионально-квалификационные трудности, проблема жилья, культуральные различия и прочие проявления «социальной неустроенности», которая служит одним из существенных источников девиантного поведения. Многие страны-реципиенты испытывают все большие проблемы в связи с преступностью иностранцев, мигрантов. Так, например, в Германии в 1992 г. около 27 % всех преступлений было совершено иностранцами; в 1994 г. 37 % убийств и смертельных повреждений было совершено иностранцами (из них 35–38 % – турки, 11–15 % – жители Югославии, 4–5 % – итальянцы, 3–4 % – албанцы, свыше 2 % – вьетнамцы и т. п.¹¹³.

Октябрьские, 2005 г., волнения мигрантов в предместьях Парижа – грозный сигнал о необходимости нахождения путей решения проблемы адаптации мигрантов в странах-реципиентах.

---

¹¹³ Polizeiliche Kriminalstatistik BRD: Berichtsjahr 2001. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2002.

Интернационализация российской организованной преступности

Россия имеет богатую историю организованной преступности¹¹⁴. Заметим, правда, что преступность XIX в. имела лишь некоторые черты организованности, только тяготела к организованным формам. Даже многочисленные и полифункциональные нищенские артели, и рейды специалистов по карманным кражам и карточных шулеров в европейские страны не стоит переоценивать с точки зрения процессов интернационализации или организованности. До поры до времени преступность не выходит за национальные рамки, решая проблемы исключительно локального характера. В первую очередь, это налаживание преступного бизнеса, решение проблем раздела рынка и конкуренции, для чего – создание собственно организованных форм. Отметим, что подобная ситуация складывается во всех странах, организованная преступность которых в криминологии считается «классической» (итальянская «мафия», североамериканская «Коза Ностра», японская «якудза» или «борёкудан», китайские «триады»). На определенном этапе развития речь идет о весьма ограниченных формах интеграции и международного сотрудничества. Даже «опиумные войны» (середина XIX в.), в которых принимали активное участие японские гангстеры, в Китае можно расценивать как экспансию якудза на близлежащую территорию. Территория самой Японии слишком мала, и преступность (уже организованная), естественно, ищет расширения рынка. Большое влияние имеет фактор внутренней конкуренции. Хотя не стоит отрицать и явный факт международного сотрудничества (между торговцами Китая, Англии, Португалии и японскими якудза).

Важнейшей задачей развития организованной преступности является налаживание преступного бизнеса. На первом этапе формируются технологии процесса, происходит передача технического мастерства, возникает «школа». Поскольку преступный мир жестко стратифицирован, технические специальности стремятся выйти на первые роли. Лидерство дает власть, право заниматься формированием и управлением структур. В России XIX в. лидирующее положение занимали воров-карманники (десятки специализаций), специалисты по азартным играм («шулеры», «каталы» и др.), взломщики сейфов («медвежатники»). Другой задачей, которую решают преступники, является налаживание рынков, другими словами – сфер влияния.

Очевидно, без некоторой степени организации на этом этапе уже не обойтись. Происходит формирование кланов, сообществ, основанных не только на техническом, профессиональном уровне. Большое значение имеет географическая привязка. Однако перечисленных факторов для построения организации явно недостаточно. Возникает идеология. В России появляются влиятельные преступники, имеющие функции организаторов, идеологов преступного образа жизни. В XX в. это «воры в законе», «авторитеты», способные объединять под своим началом многочисленные группы преступников самых разных специальностей, национальностей, локально базированных групп. Лидеры преступных организаций решают не только внутренние вопросы, большую часть их деятельности составляют переговорный процесс, разрешение спорных, конфликтных, конкурентных вопросов.

Отметим, что Россию, имеющую свою специфику развития организованной преступности, вряд ли можно наделить некой «избранностью». Все страны, прошедшие путь становления и развития организованной преступности, обладают собственным неповторимым

---

¹¹⁴ Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish *Artel* to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia // C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in the EU and Beyond. Springer, 2004. P. 181–202.

опытом. Хотя некоторые этапы развития вполне похожи и универсальны. Так, например, в США на первых этапах очень строго соблюдался принцип этнической идентичности. В «Коза Ностра» руководящие посты могли занимать только выходцы из Италии (и даже более узко, с Сицилии), а расовая однородность преступных групп, состоящих из афро-американцев и латино-американцев, стремится к 100 %. Много общих черт и в структуре организаций. Традиционной формой является кланово-семейная модель. В Италии и США итальянские преступные сообщества вообще назывались «семьями» и состояли во многом из кровных родственников. основополагающим связующим принципом японских якудза был принцип отношений «отец-сын» («кобун-оябун»), вышедший из «бусидо». Таким образом, член преступной организации был членом «семьи», а лидер – «отцом», с вытекающей ответственностью. На территории России многие этнические преступные организации также строились по «семейному» принципу. Специфика этой организационной модели способствует возникновению мощного идеологического бэкграунда: преданность семье, почитание старших, закон молчания – «омерта» (недоносительство) и т. д.

Для всех вышеперечисленных форм организованной преступности имеет большое значение идеологическая составляющая. Во-первых, это романтизация роли преступника и пропаганда соответствующего образа жизни. В Италии мафиози – борец за справедливость, в Японии – самурай, лишившийся суверена, но верный идеям «бусидо», в России – бездомный бродяга, выживающий за счет преступлений. Так или иначе, активно используется парадигмальная идея, что «общество порождает изгоев» и толкает их на совершение преступлений. Мысль эта крайне популистская, но именно поэтому широко поддерживается населением. Естественно, что для ее распространения требуются соответствующие механизмы. Любая национальная организованная преступность окружена набором мифов, легенд, песен, сказок, преданий и т. п. Этот фольклор, как правило, не имеет авторов, а потому максимально приближен к народному творчеству, что способствует его распространению в обществе. Естественно, что любой народный эпос рано или поздно становится основой для современных видов искусства: радио, телевидения, кино, литературы. Для создания такого имиджа преступности требуется сообщество авторов. Интересно, что включенность в такой «клуб» (как и в преступную организацию) не является формальной или осознанной. Автор, создавая художественное произведение, часто вообще не задается вопросом, пропагандирует он тот или иной образ жизни и поведения или же просто жизнеописывает его. В результате СМИ участвуют в *конструировании* организованной преступности наряду с другими социальными явлениями.¹¹⁵

Отношение государства и организованной преступности всегда выглядит как противостояние двух враждующих сторон. Однако всегда ли государство однозначно занимает позицию «борца» с организованной преступностью? Крайне популярное в современной России мнение, что только сильное государство способно эффективно бороться с организованной преступностью, страдает явным упрощением. Все те же Италия, Япония и США, являясь устоявшимися демократиями с сильными социальными институтами, социальными практиками, гражданским обществом, имеют хорошо развитые преступные структуры. Может быть дело как раз в развитии демократии? Действительно, изучение организованной преступности свидетельствует, что демократическое построение государства «способствует» развитию организованной преступности. Дело в том, что демократия (независимо от локального наполнения этого понятия) обеспечивает функционирование бизнеса, существование частной собственности. Естественное ограничение деловой активности законами ведет к возникновению альтернативных механизмов удовлетворения спроса на запрещаемые

---

¹¹⁵ Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Изд-во Казанского университета, 2004.

мые услуги и товары. Наркотики, оружие, проституция, азартные игры стабильно и неизменно лежат в «корзине потребителя» во всем мире. Если в странах с развитой демократической структурой обеспечением такого рода услугами и товарами занята организованная преступность, то в странах тоталитарных, деспотических эти проблемы загоняются в глубокое подполье.

Это не значит, что в демократических режимах альтернативный бизнес существует открыто. Однако для исследователя, будь он ученый или представитель правоохранительных структур, ясно, где искать дистрибьютеров. Если же политический режим в стране жестко тоталитарный (авторитарный), появляется тяготение, с одной стороны, к контролю над этой сферой жизни институтами самого государства, с другой – к идеологически-пропагандистскому решению проблемы. Отсюда появляются раскрываемость преступлений, близкая к 100 %, объявление об успехах в «борьбе с преступностью» (наркомафией, коррупцией и т. п.), а в крайнем варианте декларативное объявление об отсутствии явления как такового. Так, в СССР «не было» ни наркотиков, ни проституции, ни организованной преступности. Заметим, что противодействие организованной преступности затруднено еще и крайней ее латентностью. Если в начале– середине 90-х годов XX в. российская организованная преступность имела вид банд (команд, бригад), к середине 90-х – фирм и даже холдингов, корпораций, то в последние годы в результате симбиотического проникновения во многие социальные институты очень сложно отделить и выявить организованные преступные сообщества. Они похожи на «клубы». Что, например, объединяет выпускников одного университета? Они закончили *alma mater* в разные годы, по разным специальностям, заняты в различных сферах деятельности, занимают разное общественное положение, могут даже быть не знакомы, но все имеют диплом одного и того же учебного заведения. Также и с организованными преступными сообществами, только у них нет даже однотипных дипломов.

Механизмы взаимовлияния государства и организованной преступности различны. Ограничение социальных и частных инициатив неизменно ведет к возникновению нелегальных форм удовлетворения возникающего дефицита. Ярким примером служит «сухой закон» в США (1920–1932 гг.). Многие исследователи считают его отправной точкой в формировании организованной преступности современного типа в США. Возникает вопрос: ужесточение законов, расширение запретительной и репрессивной практики – элементы борьбы с организованной преступностью или же факторы, способствующие ее развитию? Многолетняя война с наркотрафиком во всех странах мира способствует развитию все более совершенных механизмов и технологий наркобизнеса.

Государство и организованная преступность как социальные институты проявляют множество сходных черт. Популярным определением организованной преступности является «государство в государстве». Говоря упрощенно, это так. Рассматривая взаимовлияние двух этих институтов более детально, можно отметить сходные функции и цели: «ведение войны» (защита своих границ), налогообложение (или рэкет)¹¹⁶. Строительство международных отношений государством ведется посредством переговорных процессов или же с помощью военных действий. Сходным образом ведет внешнюю деятельность и преступная организация. Незащищенные или же имеющие слабую защиту территории попадают под влияние более сильных «покровителей» или же поглощаются ими полностью. Происходит укрупнение структуры, а значит усложняются и развиваются системы управления. В отношении преступных сообществ речь идет о том, что будь то сицилийская семья, японский клан или же воровская артель, необходимым условием успешного существования в конкурентной среде является превращение в корпорацию, организацию полифункциональную

---

¹¹⁶ Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // Evans P.-B., Rueschemeyer D. & Scocpol T. (Eds.): Bringing the State Back Inc. Cambridge, 1985.

способную вести бизнес, включая технологические циклы, социальные вопросы, идеологические составляющие, управленческие аспекты. С развитием происходит рутинизация преступных практик, организованная преступность становится социальным институтом. Организованная преступность не просто «государство в государстве», она заполняет те ниши социальной жизни, которые по той или иной причине оставлены государством или же те, где государство слабо.

Глобализация, понимаемая как интенсивная интеграция рынков, товаров, услуг и капиталов, очевидно, происходит во всех направлениях бизнеса, в том числе и альтернативных. Важнейшие отправные точки глобализационных процессов – унификация, универсализация. Значит, должны существовать звенья, которые наиболее подвержены модернизации в этих направлениях. Важнейшим инструментом организованной преступности является коррупция. С помощью коррупционных интеракций легальные институты становятся частью преступных организаций. В данном случае нет разницы, кроме идеологической, становится ли государство частью организованной преступности или же наоборот. Учитывая тот факт, что основным звеном, подверженным коррупции, является бюрократия, роль ее заметно возрастает. Бюрократический аппарат склонен к разрастанию в любых обществах¹¹⁷. Жесткий контроль над этой структурой позволяет следить, когда она становится неэффективной или даже антиэффективной. Однако контроль над эффективностью осуществляется опять же бюрократическим аппаратом. При наличии в этой системе коррупционной составляющей, бюрократия *портится* в полном соответствии с этимологией слова «коррупция» (лат. *corruptio* – испорченный). Поскольку отношения государств на всех уровнях обеспечиваются соответствующими бюрократическими аппаратами, их взаимовлияние неизбежно¹¹⁸. Насколько введение новых практик становится возможным, зависит от ригидности/толерантности, степени организованности и других факторов практик уже существующих и экспансивной активности практик внедряемых. Сложно было бы представить себе, что одно государство откажется от сотрудничества с другим только по причине коррумпированности последнего (по крайней мере, такие примеры нам неизвестны), а значит, этот контакт будет способствовать уменьшению коррупции в коррумпированном государстве или же распространению таковой в некоррумпированном. Как свидетельствует практика, распространение криминального опыта гораздо более вероятно¹¹⁹. По крайней мере, в любом самом «некоррумпированном» государстве возможно найти элемент, склонный проявить «гибкость». Справедливости ради стоит заметить, что и в коррумпированном обществе находятся субъекты, способные вести свою деятельность, минимально используя коррупционные механизмы¹²⁰.

Есть и совершенно утилитарно-инструментальные составляющие процесса глобализации, которые не могут не повлиять на развитие организованной преступности (как, впрочем, и остальных, вполне легальных сфер жизни). Например, либерализация таможенно-приграничных отношений между многими странами облегчают физическое перемещение грузов и людей. Универсализация национальных валют, создание единых банковских систем облегчают процесс расчетов между партнерами, создание транснациональных

---

¹¹⁷ Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977; Вебер М. Хозяйство и общество // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

¹¹⁸ См. также: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М. Российская криминологическая ассоциация, 2003; Мухин А. А. Российская организованная преступность и власть. М.: ЦПИ, 2003.

¹¹⁹ Лунев В. http://www.igpran.ru/rus/research/luneev_globalizatsiya.doc

¹²⁰ Гольберт В. В., Костюковский Я. В., Прокопьев В. Н. Экссесс коррупции. Неопубл. рукопись монографии по исследованию 2004–2005 гг., выполненного при поддержке АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования РФ, Институтом Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).

систем связи, Интернет способствуют расширению круга и скорости общения. «Быстрому развитию транснациональных преступных сообществ в значительной степени способствовали упрощение в осуществлении международных контактов, поездок; повышение “прозрачности” государственных границ; формирование мировых финансовых сетей, развитие мировых рынков сбыта законной и незаконной продукции; оффшорных зон; развитие криминального бизнеса различных сфер криминальной деятельности».¹²¹

Немаловажным элементом и показателем глобализации организованной преступности являются международные усилия по борьбе с ней. Обычной практикой стало взаимодействие полицейских (милицейских) подразделений и спецслужб (иногда армейских). Справедливости ради отметим и процесс дезинтеграции – затруднение получения информации, создание «мини-спецслужб» (для внутренних расследований и других надзирающих функций) в рамках подразделения. В Интернете, как свидетельство глобализации организованной преступности, часто освещается деятельность в США выходцев из СССР. Оставляя некоторые сомнения в справедливости употребления термина «глобализация» в данном контексте, заметим, что мнение директора ФБР Л. Фри – «российская организованная преступность является главной и долговременной угрозой национальной безопасности США¹²², за вычетом политической составляющей, свидетельствует о значительном включении российских преступников в процесс глобализации. Сотрудничество правоохранительных и правоприменительных органов разных стран влияет на развитие сотрудничества преступников. Ведение преступной деятельности на территории другой страны без прикрытия местных «коллег» становится невозможным.

И все же важнейшим механизмом, способствующим глобализации организованной преступности, остается способность ее к интеграции. В обобщенном виде этот процесс можно представить как сращивание нескольких локальных преступных организованных систем в одну организацию, образование однородной преступной корпорации, охватывающей несколько стран. Интеграция характеризуется несколькими признаками, которые в совокупности отличают ее от других форм взаимодействия:

- взаимопроникновение и переплетение национальных производственных и распределительных процессов;
- широкое развитие международной специализации и кооперации в производстве и сервисе;
- необходимость в целенаправленном регулировании интеграционного процесса, разработке стратегии и политики.¹²³

Российская организованная преступность к началу 90-х оказалась широко интегрирована в международную организованную преступность. «Смотрящие» по европейским странам занимались координацией бизнеса с местными «коллегами», совершением преступлений приезжими соотечественниками, членами «русских» общин. Деятельность российской организованной преступности несколько раз обсуждалась в Конгрессе США (1994, 1996, 1999). Многочисленные интернациональные группы стали таковыми часто только потому, что СССР распался на несколько независимых государств. Но нередко это действительно группы с необходимым привлечением граждан разных государств.

В понимании терминов «интернациональная» и «транснациональная» организованная преступность существует разница в подходах. Что касается субъекта, то, в первом приближении, интернациональная организованная преступная организация – это сообщество,

¹²¹ Организованная преступность, миграция, политика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С. 31.

¹²² Сухаренко А. Н. «Российская» организованная преступность в США. М., 2002. С. 7.

¹²³ Международные экономические отношения. Издательство СПбГУ, 1996. С. 190.

состоящее из граждан разных стран, разных этносов, объединенных общим преступным бизнесом или технологической цепочкой. Транснациональная же организация может быть не обязательно интернациональной, но в сфере ее интересов находятся разные страны мира. Другим толкованием транснациональной преступной организации является амальгамирование, взаимовлияние и взаимопроникновение этнически разнородных ее участников. Объективно же «под транснациональной организованной преступной деятельностью понимается осуществление преступными организациями незаконных операций, связанных с перемещением потоков информации, денег, физических объектов, людей, других материальных и нематериальных средств через государственные границы с целью использования благоприятной рыночной конъюнктуры в одном или нескольких иностранных государствах для получения существенной экономической выгоды, а также для эффективного уклонения от социального контроля с помощью коррупции, насилия и использования значительных различий в системах уголовного правосудия разных стран».¹²⁴

Не демонизируя интеграционные возможности организованной преступности, стоит отметить, что координация действий между преступными организациями необходима им в силу сложности сфер деятельности и для противодействия службам и кампаниям по «борьбе с организованной преступностью». Особенно это касается таких сверхприбыльных сфер бизнеса как торговля наркотиками, «живым товаром», оружием, крадеными автомобилями и т. д. Кроме того, преступные организации подобно легальным корпорациям подвержены процессам реинжиниринга. Однако инновационные процессы, реформирование, а значит и оптимизация их деятельности происходят очень быстро, без бюрократических процедур. Практически это значит, что в общемировых масштабах речь идет о международной организованной преступной экономике.

Интеграцию, взаимовлияние преступных организаций невозможно назвать линейными. Зачастую это влияние сложно объяснить. Здесь нет логической зависимости: скажем, хорошо отлаженные механизмы не влияют однозначно на «молодую преступность». Российская организованная преступность имеет своих эмиссаров и «филиалы» во многих странах мира («смотрящие» по Европе), но почти не представлена в Азии. Американские преступные организации также присутствуют во многих странах мира, но не находятся на территории России, предпочитая решать свои вопросы с помощью местных лидеров. Значит, нельзя сказать, что процесс интеграции однонаправлен или универсален.

Преступные организации, называемые сегодня «транснациональными», представляют собой скорее некие технологические цепочки. Они диффузны, состоят из множества компонентов, участников процесса, которые зачастую действуют строго в рамках локальной территории или общества. Единственное, что выводит эти цепочки в ранг «организаций», это взгляд исследователя, желающего упростить и обобщить определение процесса. Есть еще организационная составляющая. Значит ли это, что существует некий «центр», планирующий, скажем, движение героина от плантации в Пакистане до розничного потребителя на улице Санкт-Петербурга? Думается, что такое допущение граничило бы с «теориями заговоров». Процесс производства, доставки и распространения наркотиков (как и многие другие технологические цепочки) является во многом хаотичным и складывающимся стихийно, зачастую алогично. Скорее в элементе управления справедливо было бы выделять некие моменты, характерные для всех участников процесса. Например, выращивание наркосодержащих растений происходит в регионах с крайне нестабильной политической ситуацией, тяжелым экономическим положением, осуществляется преступными группами с военизированной структурой, высокой степенью депривации населения. Экстраполируя

---

¹²⁴ Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск, 2001. С. 11.

эту ситуацию на понятие глобализации, нетрудно заметить, что, по сути, являясь процессом, объединяющим многие страны и этносы, по содержанию деятельности тот же самый процесс способствует локализации и таким образом является антиглобалистским. Группам (а иногда и правительству) тех стран, где выращиваются опийные сорта мака, конопля и др., совсем невыгодно формирование «общечеловеческих ценностей» в виде демократических институтов, экономического благоденствия и т. п. «Глобализация» многих видов преступного бизнеса (например, транзит нелегальных товаров через территорию отдельно взятой страны) в виде инкорпорирования новых преступных организаций в бизнес, появления на рынке дополнительных «игроков» и, как следствие, усиление контроля за преступным бизнесом со стороны правоохранительных структур, в том числе международных, лишит местные преступные организации существенной части дохода, несмотря на то, что сам этот бизнес является следствием глобализационных процессов. Другим примером двусторонности (как минимум) проблемы глобализации служит торговля фальсифицированными носителями информации (программное обеспечение, аудио- и видео-продукция). Требованием к России для вступления в ВТО (Всемирная Торговая Организация) является непременно уничтожение этого рынка. ВТО – общепризнанный инструмент глобализации, развивающий интеграционные механизмы, унификацию, стандартизацию и т. п. Значит, нежелание, неспособность или невозможность уничтожения этого рынка приводит к мысли о том, что современная Россия не так уже стремится стать участником процесса глобализации. При внимательном рассмотрении окажется, что уничтожение фальсифицированных носителей информации в России приведет практически к уничтожению отрасли экономики, а торговцев лицензионными копиями разорит – количество покупателей резко снизится (вряд ли найдется много желающих платить по \$ 200–300 вместо сегодняшних \$ 2–3). Однако даже при поверхностном взгляде эта проблема может повернуться другой стороной. Разве потребление программного обеспечения международных стандартов, музыки, кино не является последствием и признаком глобализации? Значит, Россия, сопротивляющаяся вступлению в ВТО, по содержанию уже является большой и значимой частью «глобального мира» и даже в какой-то мере «активистом» этого процесса.

Из приведенных примеров видно, что процесс глобализации далеко не однозначен и очевиден. Неоднозначен потому, что вместе с процессом глобализации идет процесс локализации, и чем интенсивнее глобализация, тем радикальнее локализация. А не очевиден потому, что для объяснения происходящих процессов приходится использовать термины «унификация», «интеграция» и другие, которые имеют довольно четкое содержание в отличие от размытой «глобализации».

В рамках организованной преступности можно назвать такие виды деятельности, как наркобизнес, нелегальная торговля оружием и вооружением, незаконная миграция и торговля людьми, сексиндустрия (включая порнобизнес), оборот краденых автомобилей, несанкционированная торговля культурными ценностями, флорой и фауной, радиоактивными металлами, человеческими органами и др. И, наконец, такой цементирующий фактор, как отмывание денег, т. е. легализация преступных доходов. Во всех перечисленных отраслях преступной экономики заняты миллионы людей в разных частях земного шара и, казалось бы, объединенных содержанием своей деятельности в единую систему транснациональной, международной, глобальной организованной преступности. Но если пойти в обратном направлении и раздробить эту систему сначала на «отраслевые» составляющие, затем по географическому признаку, национальному, этническому, культурному, и, наконец, субкультурному, то единство «системы» оказывается сомнительным. Более того, как это было показано выше, по целому ряду признаков можно предполагать тягу к локализации. Дело в том, что преступникам, действующим на локальной территории, крайне важно сохранять суверенитет для того, чтобы не потерять сам бизнес. В целом

ряде случаев оказывается, что уникальным правом заниматься тем или иным преступным бизнесом обладают только местные (часто этнические) преступные организации. Даже будучи включены в некий интернациональный технологический процесс (технологическую цепочку), они остаются составляющей, имеющей значительную самостоятельность. Выпадение такого звена из цепочки не всегда влечет за собой просто замену. Часто происходит реформирование всего процесса или же поиск и создание новой цепочки. В качестве примера можно привести ситуацию с кражами автомобилей. В Западной Европе совершается угон (по договоренности с владельцем или без таковой), далее автомобиль через «отстойники» и «предпродажную подготовку» (перекраска, перебивка номеров и т. п.) в «транзитных» странах попадает на территорию России, где розыск краденых транспортных средств крайне затруднен по разным причинам. Если бы Россия стала более активным участником глобализационных процессов, происходящих в Европе, большая часть участников этой технологической цепочки оказалась бы под угрозой уничтожения. Заметим, что это невыгодно преступникам ни в России, ни в Европе, ни в «транзитных» странах.

Упомянутая выше миграция – также процесс неоднозначный. С одной стороны, понятно, что механизмы глобализации облегчают и провоцируют миграционные потоки. Однако, с точки зрения организованной преступности, необходимо сохранять достаточно высокую степень стихийности этих потоков для облегчения преступной деятельности. «Чрезвычайно высока латентность как миграционных процессов в целом, так и преступности мигрантов и организованной преступности. Высокая степень латентности участия иностранных граждан в организованной преступной деятельности на территории Российской Федерации связана не только с латентностью организованной преступности, но и в значительной степени с тем, что не существует должной системы учета и регистрации въезда-выезда и пребывания в стране. Это относится как к внешней (пересечение границ России иностранными и российскими гражданами и лицами без гражданства), так и внутренней миграции (перемещение в пределах территории РФ)»¹²⁵. Расширение миграционных потоков способствует возникновению преступных групп и организаций, которые имеют защитные барьеры от правоохранительных и правоприменительных органов – обычаи, специфику уклада жизни, который преступники всячески стремятся сохранить и поддержать. Кроме того, они имеют часто существенный, а то и непреодолимый «заслон» в виде родного языка. Не секрет, что языки населения бывших союзных республик очень мало изучаются. А преступники в условиях «глобализации» и не заинтересованы в распространении таких знаний в среде местного населения. Значит, ущербное законодательство, слабое обеспечение правоприменения, техническое несовершенство соответствующих служб, происходит ли это по головотяпству или по злему умыслу вследствие материальной заинтересованности (коррупции), способствует развитию организованной преступности.

---

¹²⁵ Организованная преступность, миграция, политика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С. 33.

Глава 5 Терроризм

Одна из сложнейших глобальных проблем современности – *международный терроризм*. Сентябрьская, 2001 г., трагедия Нью-Йорка и Вашингтона – только одно из крупномасштабных тому подтверждений. Кратко остановимся на некоторых принципиальных вопросах.

Терроризм (лат. *terror* – страх, ужас) является одной из серьезнейших современных социальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Между тем, как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма и в общественных науках. Вот лишь некоторые из имеющихся определений (всего их насчитывается свыше ста¹²⁶):

- «систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилем»¹²⁷;
- «форма угрозы насилем или применения насилия по политическим мотивам»¹²⁸;
- «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»¹²⁹;
- «насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей»¹³⁰;
- «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»¹³¹;
- «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников»¹³².

Из приведенных и других многочисленных определений вырисовываются прежде всего *два основных признака терроризма*:

- применение или угроза применения *насилия*;
- его политическая *мотивация*.

Но есть, очевидно, еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов* теракта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц (ни в чем не повинных людей) ради достижения отдаленного объекта – удовлетворения политического (экономического, социального) требования. Ибо «о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика»¹³³.

¹²⁶ Cassesse A. Terrorism, Politics and Law. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 3.

¹²⁷ Чаликова В. Терроризм // 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 309.

¹²⁸ Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. Band 16. S. 59–60.

¹²⁹ Шнайдер Г. Й. Криминология. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 439.

¹³⁰ Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. С. 40.

¹³¹ Laquier W. Terrorism. London: Weidenfeld and Nicolson, 1977. P. 79.

¹³² Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. С. 53.

¹³³ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. С. 8.

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще Laqueur: «один – террорист, другой – борец за свою боду»¹³⁴. Эта тема подробно рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor¹³⁵. *Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Слишком многое зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим мотивам.* Вместе с тем Ganor пытается провести различия между анализируемыми феноменами. В приводимых и обосновываемых им схемах вначале отграничиваются *объявленная война* – между государствами и *необъявленная война* – между организациями и государством. Последняя включает, прежде всего, *терроризм* и *партизанскую войну*. Кроме того, к необъявленной войне могут относиться деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю). Важнейшее различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что *партизанская война* ведется *против вооруженных сил*, военных и техники, тогда как *терроризм* направлен *против мирного населения*, «некомбатантов» (*noncombatant*) при сохранении политической мотивации насильственных действий. Это различие представляется весьма существенным и позволяющим конкретизировать некоторые наши оценки. Другое дело, что и предлагаемое различие несколько условно (мирное население может также оказаться жертвой партизанских действий, как, впрочем, и «точечных ударов»...). Во всяком случае, Ganor называет три важнейших элемента терроризма: (1) применение или угроза применения *насилия*; (2) *политические цели* (мотивы) деятельности; (3) реальными целями оказывается *мирное население*, граждане¹³⁶.

Обычно различают террор и терроризм:

– *террор* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам);

– *терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв “государственного террора”¹³⁷.

Иначе говоря: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм – это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного»¹³⁸.

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют – осознанно или нет – интересы массы *exclusive* («исключенных») в современном мире. Поляризация на очень богатое и властное меньшинство «включенных» (*inclusive*) и очень бедное и бесправное большинство «исключенных» (при относительном размывании «среднего класса» – гаранта устойчивости социальных систем) приводит в условиях глобализации экономики, политики, информационных процессов к опасному для всего человечества разделению на *inclusive/exclusive* страны и *inclusive/exclusive* в каждой стране. Думается, что этот глобальный процесс и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. Примеры тому – агрессия США против Ирака (сколь бы «плохим» ни был Саддам Хусейн) и действия России в Чечне (какими бы «плохими» ни были «боевики»). *Террор вызывает терроризм.* Или, как писал петербургский экономист Д. Травин в газете

¹³⁴ Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, 1987. P. 302.

¹³⁵ Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3. N 4. P. 287–304.

¹³⁶ Ganor B. Op. cit. P. 294–295. См. также: Дикаев С. У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа). СПб Ун-т МВД РФ, 2004.

¹³⁷ Чаликова В. Указ. соч., 1989. С. 310; Ферро М. Терроризм // 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 314.

¹³⁸ Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23.

«Дело»: «Не мочите, да не мочимы будете!». И не столь важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Да, современный терроризм нередко носит международный характер, но недопустимо пренебрегать правами и интересами граждан своего государства под лозунгом «борьбы» с «международным терроризмом».

Права человека первичны и неотъемлемы (ст. ст. 1, 2, 3 Всеобщей декларации прав человека, 1948 г.). Нарушение прав человека рождает ответную насильственную реакцию, в частности – терроризм. *Требования ограничить права человека ради «борьбы с терроризмом» абсурдны.* Во-первых, тем самым создается идеологическая база оправдания терроризма (как ответа на террор властных структур). Во-вторых, повышается риск граждан стать жертвой нарушения прав человека (что и наблюдается в России; ***мы все в большей степени заложники власти, нежели террористов***).

Права человека и криминальные риски, включая терроризм, находятся в обратной, а не прямой, зависимости: *чем надежнее защита прав человека, тем ниже вероятность криминальных рисков.*

Хотя история политических репрессий (террора) и террористических актов в виде политических убийств уходит в глубь веков, однако большинство исследователей отмечают существенные отличия современного терроризма и как «неотъемлемой части государственного террора – одной из форм государственной политики»¹³⁹, и как систематического ущемления общества насилем: массовый характер (вплоть до геноцида со стороны властных структур¹⁴⁰), все возрастающее количество террористических актов и их жертв, глобализация (интернационализация) терроризма.

Многочисленны проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; военные действия, включая партизанские; отравление источников питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др.

Неопределенность, размытость, многоликость терроризма объясняет многочисленность его классификаций по разным основаниям.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимы страдания, бесспорно является *преступной* деятельностью (преступлением) и заслуживает самой суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, нежели чисто юридический. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но ведь терроризм преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи – «справедливы», имеют не меньшую ценность, чем те, против которых они выступают. Поэтому борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, идеологический, религиозный) характер – малоэффективна (хотя и необходима). Об этом свидетельствуют печальный опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с албанскими – в Сербии, с чеченскими – в России...

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего *политические* (экономические, социальные) усилия по *предотвращению условий* для терроризма, по ненасильственному разрешению социальных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов. Разумеется, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризм решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его

¹³⁹ Ферро М. Указ. соч., 1998. С. 313

¹⁴⁰ Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996.

реализовать. Но *не существует «простых решений» сложных социальных проблем*. Точнее говоря, так называемые «простые решения» (типа «ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации. Можно (и нужно) «бороться» с отдельными исполнителями терактов – угонщиками самолетов, киллерами, лицами, закладывающими взрывные устройства и т. п., но нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить *причины, источники* терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов. Очевидно, не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали, прежде всего, в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах – в Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем. Из 79 известных к 1990 г. террористических организаций 37 принадлежали по своей идеологии к марксистским, ленинским, троцкистским, маоистским, 9 представляли различные направления пан-арабского и исламского фундаментализма, 7 – служили примером удивительной смеси пан-арабизма и марксизма, 4 – относились к правоэкстремистским и неофашистским¹⁴¹. Разумеется, это соотношение претерпело существенные изменения к сегодняшнему дню. Количество известных террористических организаций увеличилось, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламских.

---

¹⁴¹ Long D. The Anatomy of Terrorism. The Free Press, 1990.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.